

КРИШАН
ЧАНДАР

ВОР

РАССКАЗЫ

Цена 30 коп.

изл

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт народов Азии

**КРИШАН
ЧАНДАР**

•

ВОР

РАССКАЗЫ

Издательство восточной литературы
Москва 1962

Перевод с урду

Кришан Чандар

В О Р

Рассказы

*Утверждено к печати Редакционным советом
востоковедной литературы при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Каленова*

Художник *А. Е. Скородумов*

Технический редактор *Л. Т. Мислина*

Корректоры *Е. И. Дукельская* и *Г. С. Муковозова*

Сдано в набор 7/IV 1962 г. Подписано к печати 21/VII 1962 г.
Формат 70X 21/32 Печ. л. 5,25 Усл. п. л. 6,14. Уч.-изд. л. 5,79.
Тираж 50000 экз. Зак. 925 · Цена 30 коп.

Издательство восточной литературы

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы

Москва, К-45, В. Касельный пер., 4

НАШ ДРУГ ЧАНДАР

Законы сердца непреложны, и художнику более, чем кому-либо, свойственно им подчиняться. Рассказы и романы Кришана Чандара, созданные им за четверть века литературной деятельности, светятся нежной, проникновенной любовью к родному Кашмиру. Люди и природа Кашмира, «кашмирская тема» занимают особое место в творчестве писателя.

Кришан Чандар родился в 1914 г. в княжестве Бхаратпур в Пенджабе, но ранние годы его прошли в Кашмире. Когда Кришану было пять лет, отец его, врач, получил назначение в кашмирское село Пунчх.

Маленького Кришана родители научили читать и писать на урду — языке, широко распространенном в Кашмире и Пенджабе. Он любил сказки «Тысяча и одна ночь», а позднее — рассказы классика литератур урду и хинди Премчанда, произведения Сударшана, Ратаннатха Саршара.

Первым опубликованным произведением Чандара был юмористический рассказ о школьном учителе, применявшем ножницы и линейку как орудия наказания нерадивых учеников.

Рассказ был напечатан в делийском еженедельнике «Риясат».

В школьные годы Чандару довелось прочитать в одном английском журнале статью о Ленине. Чтение революционной литературы английские колониальные власти считали государственным преступлением, но эту статью не запрещали: автором ее был Черчилль. Каждая строка, каждое слово ее источали змеиный яд. Черчилль злобно искажал и извращал слова Ленина. Кашмирский школьник, естественно, не мог распознать обман, но в душе мальчика зародился вопрос: «Кто же этот человек, которого так боится Черчилль?».

Позже Чандару удалось тайком прочитать произведения Ленина. И хотя книги, попадавшие в руки Чандара, были напечатаны на дешевой желтоватой бумаге, измяты и испещрены пометками, Чандару казалось, что от каждого их слова исходит сияние истины и красоты. Чандар стал учеником и последователем Ленина. Много лет спустя писатель скажет: сама история скрепила слова Ленина печатью правды; Ленин — это глаза истории.

В 1932 г. Чандар поступил в один из гуманитарных колледжей Лахора. Жгучая ненависть к чужеземным угнетателям в ту пору толкала мелкобуржуазную интеллигенцию на путь анархизма и террора. Симпатии Чандара целиком были на стороне патриотов. Он был связан с организацией, руководимой Бхагатом Сингхом. Полиции удалось напасть на след заговорщиков. Чандар был арестован и заключен в лахорскую крепость, где провел больше месяца.

Вскоре после освобождения Чандар сдал экзамены в колледже и получил дипломы магистра искусств (по английской литературе) и бакалавра права. В это время он принял окончательное решение посвятить себя литературе.

Из Лахора Чандар часто ездил в Кашмир. Жизнь кашмирцев, образы кашмирской природы волновали писателя. Рассказы Чандара середины тридцатых годов напоены ароматом гор и долин Кашмира, расцвечены праздничным великолепием его природы.

Правда, в жизни Кашмира Чандар видел не только розы. Нищета убивает поэтическую мечту человека, гасит любовь... Но жизненная неустроенность простых людей Кашмира, жестокая общественная несправедливость словно меркнули в этих ранних рассказах писателя перед величием сказочного края. Злые обиды, выпавшие на долю крестьян, представляются автору незначительными и ничтожными по сравнению с торжественной гармонией природы. Вот почему в некоторых ранних рассказах Чандара, как подметил один из советских критиков, природе отведена даже более активная роль, чем человеку.

Могучий подъем национально-освободительного движения в стране окрылил талант Чандара, дал силу и огонь его искусству, воспевающему борющегося человека. Страстный протест против неустроенности жизни вылился в жгучий сарказм.

Более двадцати лет назад, задумав повесть «Поражение» («Шикаст»), рассказывающую о жизни простых людей Кашмира, писатель отправился в родные края, в Гульмарг. В номе-

ре гостиницы, где поселился Чандар, было два окна; за одним простирался сказочный цветочный ковер долины Гульмарга, другое выходило на задний двор гостиницы, загроможденный ла-чугами носильщиков, подметальщиков, водоносов и прочей гостиничной прислуги. Сочетание этих двух миров, двух сторон жизни глубоко потрясло писателя. «Безобразие и красота Индии одинаково волнуют сердце Чандара», — заметил видный индийский критик, исследователь творчества Кришана Чандара Зое Ансари.

Повесть «Гроздь бури» («Туфан ки калиян») — следующее крупное произведение Чандара — посвящена зарождению национально-освободительного движения в Кашмире.

Широко раздвинулись горизонты писателя. Когда обездоленные крестьяне Андхры поднялись на борьбу, на рабочем столе Чандара родилась повесть «Когда пробудились поля» («Джаб кхэт джагэ»). Герой ее Рагху Рао — сын долгового раба — ватти, охваченный революционным порывом, стал одним из руководителей движения.

Когда американские империалисты спровоцировали войну в Корее, Чандар немедленно занял свое место в строю, создав гневный памфлет «Новые рабы» («Нае гулам»), написанный в форме письма первому американскому солдату, убитому в Корее.

Кришану Чандару принадлежит более тридцати произведений — рассказы, романы, повести, драмы, очерки, литературно-критические статьи. Тематика его произведений очень разнообразна.

Реализм пришел в литературу урду с произведениями Премчанда (1880—1936), который первым из художников урду глубоко заглянул в душу простого труженика. Как бы ни одолевали жизненные невзгоды героя Премчанда — бедняка-крестьянина, он продолжает терпеливо обрабатывать свой клочок земли. Гордый сознанием своей нравственной правоты, герой Премчанда бросает вызов злой судьбе. Но как ей противостоять, как бороться с нею — этого он еще не знает.

Как и в пору Премчанда, величественно текут воды Ганга, но жизнь на равнинах старого Хиндустана обрела новый ритм. Проницательный взгляд Чандара увидел человека, не только умеющего возделывать орошенную водой землю, но и способного перепахать поле жизни, перестроить государство, переделать мир.

Таких героев удалось показать еще очень немногим мастерам индийского искусства. Но убежденность в необходимости коренного изменения общественных форм жизни сквозит в рассказах писателей урду — Раджендара Сингха Беди, Ходжи Ахмада Аббаса, в стихах Али Сардара Джафри и других поэтов.

Книги Чандара открыли новый мир. Не в Кашмире, не в предгорьях Гималаев, а в сердцах простых людей всей Индии.

Никогда еще литература урду не знала героев подобной энергии. Никогда еще не доводилось ей знакомить мир с такими жизнерадостными, веселыми, озорными людьми, как

герои Чандара. Никогда герои литературы урду не смеялись так искренно и оглушительно, как на страницах произведений Чандара. Никогда ни один художник урду не обладал таким цельным, ясным восприятием мира, как Чандар. Никогда половодье жизнелюбия не заливало так щедро страницы книг урду, как в рассказах и романах Чандара.

Тема труда, преобразующего сознание людей, занимает одно из центральных мест в творчестве писателя. Его художественное воображение волнует судьба человека на переломе.

Счастливый случай — удачное предсказание астролога Харибаллабха — выручает из беды Ашок Дхаке, героя рассказа «Звезды гаснут — звезды загораются» («Вохи джагах»). Очередной совет астролога оказывается менее удачным, и Ашок Дхаке разорен. Пошатнулись дела и у астролога. «Жаловаться некому, это записано в нашей судьбе. Каждый человек рождается вместе с ней», — так утешает себя Ашок Дхаке, так утешали себя испокон веков миллионы индийцев.

Но вот пронзительные гудки паровозов узкоколейки будят тихую местность, по дороге снуют грузовики, на строительную площадку везут песок и камень, электрический свет обращает в бегство духов соседнего кладбища. И глубокие сомнения в неотвратимости человеческих судеб закрадываются в душу Харибаллабха: «Поистине я всю жизнь заблуждался, занимаясь астрологией... Человек меняет облик ущелий и дорог, мостов и земель. Разве он не волен изменить и свою собственную судьбу?»

Труд опозитизирован художником.

«Как прекрасна была дорога в электрическом свете! На груди ее длинной лентой вились рельсы узкоколейки, в ушах сверкали серьги электрических фонарей, вся она содрогалась под мерной поступью любви и труда».

Писатель противопоставляет горячую веру в «свет человеческого труда» широко распространенной в Индии проповеди нравственного самосовершенствования, уводящей народные массы от насущных вопросов социальной жизни.

Человек с мозолистыми руками победит не в одиночку, — утверждает Чандар в рассказе «Древо воды» («Пани как дарахт»).

В маленькой деревушке близ соляных копей не хватает воды. Небольшую речку, протекавшую в долине, местный раджа отвел на свои земли. В сознании крестьян счастье, радость и красота жизни неразрывно связаны с водой.

Девушка Бало любит героя рассказа, но выходит замуж за другого — ведь там, где он живет, сколько угодно воды. В ночь свадьбы своей любимой юноша видит во сне, что в их деревне появилось водяное дерево. «И это древо воды принесло жизнь нашей бесплодной земле: мужчины ликуют, женщины стирают белье, рабочие соляных копей моются, а дети, надев венки, водят веселые хороводы вокруг чудесного дерева. И будто Бало в белом платье стоит рядом со мной и говорит: „В нашей деревне выросло древо воды! Теперь я никуда от тебя не уеду“».

Отец юноши считает этот сон несбыточным. Но товарищи по работе в копах убеждают молодого парня, что его сон воплотится в жизнь.

В этом рассказе Кришан Чандар связывает мечту о воде с мечтой о социальной справед-

ливости. В раскрытии темы рассказа автор глубоко оптимистичен. Коллектив укрепляет веру рабочего, вчерашнего крестьянина, в возможность и необходимость переустройства всей жизни.

Ненавистью к врагам человека с мозолистыми руками дышит рассказ «Вор» («Чор»). Лощеный господин, чистюля в белоснежной рубашке и элегантных кремовых брюках, украл то, что создано чужим трудом, украл солнечный луч, украл медную монету бедняка, последнее утешение его умирающей матери...

Центральный образ рассказа символизирует ту паразитическую силу, которая стоит на пути к счастью людей.

Чужеземный гнет иссушал не только тело, но и душу индийца; порождал рабскую психологию смирения, покорности. Опалена горечью авторская усмешка в рассказе о Бхолараме, утратившем веру в себя, в свое достоинство, обделенном любовью, лаской, заботой («Дуду»).

Рассказ «Поля» на первый взгляд лишен стройного, плотно сбитого сюжета. Но композиционный узел затянут крепко: все диалоги связаны единством замысла, точными, скупыми штрихами нарисован портрет современного колонизатора. Здесь нет ни светящихся бликов, ни глубоких теней; рассказ выполнен в графической манере — четкой и жесткой. Портрет лжедемократа Поля — великолепный образец злого сарказма Чандара.

Смелость литературной формы поражает. Как сложно, как трудно такое искусство! Портрет лепится, казалось бы, без всяких усилий мастера. Но это только «казалось бы»...

Чандар умеет очень глубоко упрятать «тенденцию» рассказа, если этого требует художественный замысел («О плеши»). Чандар — искусный «обманщик», всем строем, тоном рассказа он сначала придает язвительной сатире видимость невинной, развлекательной юмористики. Но... забавная история о любовных злоключениях лысого холостяка неожиданно оборачивается едкой издевкой над буржуазным строем.

В 1955 г. писатель побывал в гостях у московских металлургов, ташкентских хлопкоробов, виноделов Грузии.

Вспоминая памятный день, проведенный в грузинском колхозе, Чандар написал рассказ «Лицо». Героя рассказа — гостя из Индии — интересовали и доходы каждой колхозной семьи, и бытовой уклад, и количество грамотных в деревне...

Когда вечерняя мгла спустилась на уставшую за день землю, колхозники сдвинули столы, и звон бокалов потонул в веселом смехе. Хозяин дома, крепкий седобородый старик, ветеран революции, предложил тост за мир во всем мире. Два его сына погибли на фронте.

Неожиданно мысли героя устремились в другой мир, в маленькую кашмирскую деревушку, где прошло его детство. Пристально вглядываясь в лицо председателя колхоза, гость увидел в этом человеке знакомые черты: он вспомнил Бхаду, друга своего детства.

Отец Бхаду был арендатором у помещика. Он обрабатывал крохотный клочок земли и имел глинобитный домик. В один из первых зимних снежных дней, во время школьных каникул, маленький Кришан побежал к приятелю.

лю — и застыл от изумления на пороге дома. Очаг был холоден, дом пуст. Соседи рассказали, что помещик согнал отца Бхаду с земли, и он, взяв с собой сына, ушел на заработки. И Кришан понял, почему на снегу остались следы двух пар ног — больших и маленьких. Где он теперь, его Бхаду? Не угасло ли его счастье под порывами бессердечного кашмирского ветра?

В судьбе грузинского колхозника автор увидел воплощение своей мечты о счастье, о том счастье, с которым разминулся Бхаду.

Действие рассказа «Джара и Джари», включенного в настоящий сборник, происходит в Кашмире. Кашмирская природа околдовала художника на всю жизнь, но образ самого Кашмира со временем стал иным. Кашмир ранних романтических рассказов Чандара — нежный горный цветок, красота которого сияет вопреки уродству действительности. Кашмир зрелого Чандара — автора «Джара и Джари» — неотъемлемая часть родной страны, борющейся за лучшую долю, — особенно родной, особенно милый сердцу, но все же только маленький уголок родины, жаждущей мира и счастья.

Кришан Чандар — натуралист, говорят некоторые критики. И ошибаются. Чандар не натуралист. Детали, подробности, даже самые второстепенные, самые, казалось бы, незначительные, полны глубокого художественного смысла, каждая из них раскрывает отношение автора к тому или иному явлению.

Кришан Чандар — символист, говорят другие. И тоже ошибаются. Действительно, образами-символами проникнуто все творчество Чандара. Но его символика никогда не является самоцелью, никогда не заслоняет реальность.

Кришан Чандар пишет не новеллы, а политические памфлеты! — возмущаются третьи. Берегитесь его, он уводит прозу урду от истинного искусства! Он губит литературу урду в водовороте политических страстей!

Да, многие рассказы и романы Чандара публицистичны, но это говорит не о скудости изобразительных средств, а о богатстве творческой палитры художника. Поэзия и публицистика сливаются у него воедино в могучую, жизнеутверждающую симфонию. Публицистика поднята до высокого поэтического пафоса, поэзия вовлечена в суровую повседневность. И наивно думать, что такой мастер, как Чандар, только «по неумению» пропагандирует свои социальные, политические и философские идеалы в «оголенной» публицистической форме.

Чандар — губитель искусства?.. Но с Чандаром литература урду поднялась еще на одну ступень лестницы, ведущей к вершинам художественного мастерства. Ведь именно Кришан Чандар прославил литературу урду далеко за рубежами родной страны. Его произведения публикуются на двадцати пяти языках мира. Подобной популярностью пользуются лишь классики индийской литературы.

Чандар создал оригинальный прозаический стиль. Излюбленные его приемы — неожиданное сочетание бытовых деталей, сатирических штрихов и доброго юмора с лирическими отступле-

ниями. Концовки рассказов, как правило, пронизаны глубокой поэтической символикой.

Чандар-художник почти всегда присутствует в своих рассказах как один из персонажей. Формы авторского вмешательства крайне разнообразны и остроумны. Чандар не боится многократным прямым обнаружением своей авторской личности нарушить художественную ткань рассказа и никогда не нарушает ее.

Писатель широко пользуется формой повествования от первого лица («Вор», «О плеши», «Темные пятна», «Индиец, вернувшийся из Америки», «Древо воды» и др.). Разумеется, автобиографичность рассказов мнимая. Такой художественный прием помогает писателю «изнутри» осветить духовный мир человека.

«Я могу создать рассказ, но не могу сам создать нового человека, — сказал Чандар в своей новелле „Калу Бханги“. — Для этого одних моих сил недостаточно. Для этого нужны усилия писателя и его читателей, усилия доктора и аптекаря Бахтияра, деревенских патвари и намбардара*, лавочника, государственного деятеля, политика, рабочего и трудящегося в поле крестьянина, нужны соединенные усилия всех людей, усилия сотен тысяч, миллионов людей».

Пафос рассказов Чандара — это радостное торжество Нового Человека, стремящегося к солнцу и свету.

И. Рабинович

* Патвари — землемер; намбардара — староста.

В О Р

На свободное место возле меня опустился человек. Я взглянул на него, и мне стало тошно. Грязная рубаша, заношенные брюки, сплошь перепачканные глиной, словно владелец их жил в глиняном карьере. Заросшее щетиной лицо, ввалившиеся щеки, горящие нездоровым блеском дикие глаза загнанного существа, чем-то напоминающие глаза лани, окруженной стаей волков. Но лань — прелестна, а в этом типе не было и тени обаяния... На его высохшей жилистой шее скопились такие пласты грязи, что отскребать ее было бы бесполезно: казалось, она уже успела разесть кожу, подобно ржавчине, разъедающей металл, и стоит лишь поскрести шею ногтем, как из-под корки грязи брызнет кровь... Лицо и руки вошедшего тоже были покрыты грязью. Я весь съежился и подался к окну. Поверьте, я не сделал бы этого, если бы рядом со мной села вот та красавица в шуршащем платье из тафты лимонного цвета!..

Небритый субъект сильно закашлялся, а затем, на секунду придвинувшись ко мне, плюнул в окно. Потом он снова откинулся на свое место, но я успел почувствовать прикосновение

его одежды. Я взглянул на свой костюм и увидел, что сосед уже основательно перепачкал его: моя рубашка, только что сверкавшая белизной, теперь вся была в темных полосах, а брюки — дивные кремовые брюки из восхитительной американской материи «акуля кожа» — превратились в жалкую тряпку! Вот когда я понял, каким бичом для добропорядочных пассажиров может стать один-единственный грязнуля, затесавшийся в автобус. Чего ради тогда мы платим подоходный налог?

Я сердито уставился на небритого. В ответ он цапнул меня не менее злобным взглядом, глаза его вспыхнули, острый кадык задержался.

В это время подошел кондуктор. Сосед, порывшись в карманах своих штанов, выудил монетку в одну ану* и взял билет до Андхери. О боже! Эта грязная личность собирается пачкать мой костюм до самой Андхери! Угроздило же его сесть рядом со мной! Такой красивый автобус! Светло-зеленые сиденья, голубые стены, белые плафоны, в которых играют золотистые блики и отражается кармин женских губ... И в таком роскошном автобусе судьба послала мне подобного соседа! Мне показалось, что кому-то пришлось на ум подсунуть на мое сиденье комок дорожной грязи. Что за злая шутка! Тьфу!

На свою беду, я обладаю довольно изысканным вкусом: из автомобилей я предпочитаю «кадиллак», из тканей — «акулю кожу». Но судьба, словно в насмешку, вечно норовит подстроить мне гадость. Вот и сейчас... Что мне

*Ана — мелкая монета, около пяти копеек.

оставалось делать? Я раскрыл книгу, лежавшую у меня на коленях, и попытался бежать от печальной действительности в мир вымысла. Это был великолепный французский роман, героиня которого, возненавидев любовницу отца, доводит ее до самоубийства.

Но едва я успел пробежать несколько страниц, как автобус остановился и в дверь ввалилась толпа пассажиров. Сразу стало очень тесно; люди набились в проходе, они громко переговаривались, шумели. Я в раздражении захлопнул книгу. Ну вот, даже почитать не дают!

От нечего делать я принялся смотреть по сторонам — чем еще можно развлечь себя в подобной обстановке? Кондуктор торопился обойти пассажиров. Он брал деньги, выдавал билеты, отсчитывал сдачу, а на маленьких остановках отрывистыми сердитыми звонками давал знать ожидающим, что в автобусе нет мест.

Судя по произношению, кондуктор был уроженцем Сахаранпура или Мератха. Бедняга, видно, совсем обессилел: шапочка его съехала набок, клочок волос, который индусы обычно оставляют на макушке, когда бреют голову, выбился наружу. На пиджаке цвета хаки недоставало двух пуговиц, а штаны топорщились, словно футляр на саранге*. Право же, при взгляде на этого малого совсем не хотелось смеяться: растерянность и отчаяние сквозили во всех его чертах; он походил на отбившегося

* С а р а н г — музыкальный инструмент, напоминающий скрипку.

от стаи, затравленного зверя, на высохшее дерево, на бессвязный обрывок стиха. Вид его напоминал печальные листья, гонимые ветром во время листопада, или беззащитных животных, которые летом, едва дыша от палящего зноя, пытаются укрыться в прозрачной тени тоненького деревца. Бедняга кондуктор тяжело дышал, на лбу его блестели крупные капли пота.

Позади меня сели двое юношей. Один из них протянул кондуктору рупию* и попросил билеты. Получив их, он напомнил о сдаче.

— Сейчас, минуточку! — проговорил кондуктор, устремляясь к двум пассажирам, которые собирались выходить. Хорошо еще, что он вовремя спохватился и заставил их взять билеты, а то они так и не уплатили бы за проезд. Кондуктор направился было снова в нашу сторону, но его задержал толстяк синдхи**, который сунул ему бумажку в две рупии и потребовал билет за две аны. Тут как раз подъехали к остановке, и кондуктор, оставив все, кинулся к двери, чтобы не дать новым пассажирам вломиться в переполненный автобус.

На остановке два пассажира сошли и вошла пожилая женщина, ведя за руку ребенка. Женщина была толста и некрасива, и никому из мужчин не пришло в голову уступить ей место и приласкать ее заморыша-ребенка. Войди вместо нее молодая и красивая мать, уж наверное, пять-шесть человек поспешили бы усадить ее и расхвалить ребенка: «Что за прелестный

* Рупия — основная денежная единица Индии. До 1 апреля 1957 г. рупия равнялась 16 анам.

** Синдхи — одна из индийских народностей.

крошка!» И, конечно, нашелся бы и такой кавалер, который, подхватив на руки малыша, сошел бы вместе с нею, мило беседуя, проводил бы ее до самого дома и, заручившись приглашением, на следующий день явился бы в этот дом с визитом. Этим же никто и не подумал оказать внимание; некрасивая женщина и непривлекательный ребенок — оба покорно стояли в толпе.

Наконец кондуктор вернулся к нам. Он вручил толстяку синдхи причитавшиеся ему рупию и четырнадцать ан, затем оторвал билет для женщины с ребенком. Вдруг он вспомнил, что должен еще кому-то тринадцать ан. Оглядевшись, он сунул деньги в ладонь моего соседа. В глазах оборванца на секунду застыло недоумение, но тут же исчезло, а рука крепко сжала деньги. В следующее мгновение рука уже незаметно ползла в карман. Человек напряженно выпрямился, уставившись в одну точку и стараясь сохранить невозмутимый вид.

Оба юноши, сидевшие сзади, были поглощены созерцанием некоего видения, облаченного в лимонно-желтую тафту. Как они смотрели! Какой вдохновенный огонь пылал в их взорах! Сколько цветов расцвело в их сердцах, какие весны их овеяли! Океаны желаний, благоуханные просторы мечты, золотые тенета блаженных снов — все было в этих взглядах. Юноши и думать забыли о своих тринадцати анах: их взорам в этот момент представлялось то, чего не могут дать никакие деньги. Рупия, безусловно, немалая сила, но все же ей далеко до тех сокровищ, которые дарит человеку фантазия.

Это упоение красотой длилось всего какое-то

мгновение — красавица в лимонно-желтой тафте поднялась с места и тихо направилась к выходу. Шорох шелка разлился по автобусу, словно томительный аромат, словно закатная заря... В следующее мгновение солнце зашло, и крошечный мрак объял автобус. По крайней мере, так показалось этим юношам. Взоры их померкли...

Но уходит забытье — и приходит память: юноша, давший кондуктору рупию, вспомнил, что не получил сдачи. Да, да, так именно и бывает в жизни! Когда нас покидает мечта о красоте, на смену ей являются мысли о деньгах; потеряв любовь, люди вспоминают о воздаянии; когда минует молодость, поднимает голову мораль. На смену прекрасному всегда приходит низкое. О милая лимонная тафта, зачем ты вышла из автобуса?! Если бы ты осталась, не случилось бы того, что случилось, не произошло бы то, чему суждено было произойти... Почему же, почему ты не осталась в нашем автобусе?!

Что за вздор вы болтаете, господин новеллист! Знаю я вашу лимонно-желтую тафту! Ее зовут Джозефайн Какрита, и живет она в Бандре. Отец ее греет руки на сухом законе — торгует вином из-под полы. Вашу красотку уже дважды таскали в полицию, говорят, она даже делала аборт. У нее с десятков любовников; она обучает танцам в «Популар дансинг-холле» и ловко заманивает в свои сети безусых сынков богатых папаш. К тому же она пьет с утра до ночи и закусывает сырым луком. А вы тут распространяетесь насчет ароматов в автобусе! Есть ли у вас совесть? Отвечайте же, господин сочинитель!

Та-та-та! Откуда ты свалился, голубчик? Мой рассказ только было взял хороший разгон, а ты явился и все спутал. Убирайся вон, несчастный!

Моти, так звали юношу, сидевшего у окна позади меня, ощупал свои карманы и спросил:

— Гульшан, ты получил у кондуктора сдачу?

Его товарищ тоже принялся исследовать свои карманы.

— Нет, не получил.

— Ты точно помнишь?

— А что тут помнить? Мы с тобой оба загляделись на ту девушку. Ты молодец, что вовремя спохватился, иначе бы наша рупия — фью! — поминай как звали! Эй, господин кондуктор!

В этот момент мы подъехали к остановке Шанта-Круз, и в автобус вошли пять-шесть кондукторов, уже отработавших свою смену. Между ними и нашим кондуктором завязалась беседа. Нашему бедняге, видно, приходилось туго: из его слов я понял, что у него серьезно больна мать. Вот уже четвертый день, как он тщетно пытается отпроситься домой. Денег на лекарство, прописанное врачом, у него нет. На сотню рупий жалованья не очень-то разгуляешься... Далее последовал длинный перечень расходов, которые следовало покрыть этой сотней. Был последний день месяца, и карманы несчастного совсем опустели. Все знают, что карман бедняка истощается каждый месяц. Оказаться на краю гибели один или два раза в жизни — еще куда ни шло, но умирать каждый месяц — да это какая-то насмешка над бытием!

Тут я заметил, что эти мужчины, получающие постоянное жалование (сто рупий!), объединенные в мощный профессиональный союз, на счету у которого немало побед, не на шутку расстроились. Может быть, наш кондуктор поставил перед приятелями некую новую проблему? Какое там! На мой взгляд, он только взбудоражил осиное гнездо: кондукторы принялись на все лады ругать транспортную компанию. Они жаловались на жизнь, на семейные неурядицы, на управляющего, на все и вся... «Ну что это за люди! — раздраженно подумал я. — Ведь компания платит им жалование, надбавку на дороговизну, выдает обмундирование, предоставляет отпуск! Чего им не хватает? Смерти? Чем больше нянчатся с этими рабочими, тем основательней они садятся на шею порядочным людям! О-о, какие это негодяи!»

Наш кондуктор продолжал:

— Если хотите знать, в кармане у меня всего рупия и пять ан. Где мне взять семь рупий на инъекции? А от них зависит жизнь матери.

Глаза его наполнились слезами.

— Эй, господин кондуктор! — вторично окликнул его Моти. — Подойдите, пожалуйста, сюда!

— В чем дело?

— Мы вам дали рупию. Вы оторвали билет за полторы аны для меня и билет за полторы аны для моего друга, — он кивнул в сторону Гульшана. — А где сдача в тринадцать ан?

— Разве я вам не отдал?

— Нет. В тот момент началась давка, вы по-

просили нас подождать, и до сих пор не удосужились расплатиться. А пора бы — мы уже проехали три или четыре остановки.

Вдруг кондуктор как будто что-то припомнил. Ну конечно же, он отдал эти тринадцать ан! Но кому?

— Я вернул тринадцать ан вам, — сказал он, указывая на Гульшана.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ничего подобного!

— Значит, я отдал их вашему другу. Я отлично помню, что отдал!

— Мне вы их тоже не давали! — сердито буркнул Моти.

На шум подошли другие кондукторы.

— К чему волноваться, сахибы? — сказал один из них. — Лучше посмотрите у себя в карманах.

Моти и Гульшан встали, словно по команде, и вывернули наизнанку карманы. Денег в них не было.

— Мы взяли билеты до «Навбахар-студио», — уныло сказал Гульшан. — У нас на двоих была всего лишь одна рупия...

Оба друга снова опустились на скамью. Вид у них был такой подавленный, будто их публично опозорили, заставив признаться в бедности. Они были еще так молоды! Внешне они походили на киноактеров, были довольно прилично одеты, казались людьми образованными, но, что называется, без определенных занятий. Да, на двоих у них была лишь одна рупия. Если бы этих рупий была сотня тысяч, тысяча или хотя бы сотня, разве стали бы они требовать у кондуктора такую мелочь, как трин

дцать ан? Но ведь рупия-то была всего одна, а в «Навбахар-студио» на вечер назначена съемка... Эта рупия содержала в себе и чай для обоих друзей, и сигареты «Панама», и какую-нибудь еду, и обратный проезд в автобусе... Им просто необходимы были эти тринадцать ан, ни одна монетка не должна была пропасть...

— Но я же отдал тринадцать ан! — чуть не плача твердил кондуктор.

— Кому вы их отдали? — сердито спросил Гульшан.

Кондуктор растерянно огляделся по сторонам — что он мог ответить?

Я пристально посмотрел на своего соседа. Он сидел молча, не оглядываясь, глубоко засунув руки в карманы, — сидел с таким видом, словно все происходившее абсолютно его не касалось. Желтизна на его щеках проступила еще явственнее, кожа еще туже обтянула их, дыхание стало прерывистым, в глазах светилось упорство, они как бы говорили: «Ваши тринадцать ан — в моем кулаке. В них вся моя жизнь! Нет, это не тринадцать ан — это тринадцать дней жизни, тринадцать месяцев, тринадцать лет, тринадцать столетий! Эти деньги для меня — все, я никогда не отдам их вам, никогда!»

Мне показалось, что кулак в кармане его штанов сжался еще судорожнее, а челюсти стиснулись с такой силой, что разъединить их удалось бы разве лишь при помощи рычага.

— Откуда я возьму эти деньги?! — кипятился кондуктор. — Ведь я уже отдал их! У меня и так-то нет денег, а вы хотите...

Лицо его вспыхнуло: видно, он вспомнил о лекарстве. Взглянув на молодых людей, он добавил:

— Посмотрите еще, может быть, вы где-нибудь обронили эти деньги.

— Не обронили, а выбросили в окошко! — с иронией отозвался Моти. — Довольно болтать попусту! Верните наши тринадцать ан!

«А как же лекарство для матери? У меня всего-то одна рупия и пять ан... Если из этих денег отдать тринадцать ан, что же останется?» — с тоской думал кондуктор.

«Тринадцать ан!

Впереди — съемка, окрики помощника режиссера, брань директора картины, бессонная ночь. Простывший чай, бобовая похлебка в столовой, похлебка, в которой больше камней, чем бобов, сигареты, бетель * — на все это, конечно, не хватит тринадцати ан. Но если и их не будет, что с нами станется?!»

«Тринадцать ан!

Сегодня в них — вся моя жизнь! Кому они нужны больше, чем мне?!»

Вдруг что-то словно подбросило меня в воздух. «Чьи мы? — спросили меня злополучные тринадцать ан. — Чьи мы? Отвечай, если знаешь!»

Эти тринадцать ан вдруг вытянулись в длинную дорожку, узкую-узкую, не шире лезвия бритвы, — дорожку, на которой танцевали свой танец несколько жизней: жизнь кондук-

* Бетель — растение; в Индии принято жевать листья бетеля, сдобренные различными пряными приправами.

тора автобуса, жизнь двух безработных юношей и жизнь бродяги!

Только тринадцать ан!

Культура, уходящая в глубь пяти тысячелетий, Аджанта, Эллора, великодушие, сострадание, закон, прекрасное искусство танца кат-хакали...

Только тринадцать ан!

Лицо кондуктора осунулось. Медленно-медленно вынул он из сумки горсть монет и отсчитал тринадцать ан, отсчитал так, как считал бы, наверное, последние вздохи матери.

Моти схватил деньги и сунул в карман. Затем оба они — Моти и Гульшан — вперили в пустоту отсутствующие взоры, словно, кроме них, в автобусе не было ни души.

Сидевший рядом со мной сухопарый субъект испустил глубокий вздох, еще более вытянувшись и застыл. Щеки его совсем побелели.

Я искоса поглядел на него. О, как я его ненавидел! Этот вор, этот наглый вор, как видно, думает, что вышел сухим из воды! Мне захотелось во всеуслышание назвать его вором. Одно мое слово — и наглеца немедленно арестуют. Однако, сам не знаю почему, слово это застряло у меня в горле. Я молчал и лишь сильнее прижался к стенке. В автобусе наступила тишина; после происшествия у всех пропало желание разговаривать. Молчали кондукторы, молчали юноши, молчали другие пассажиры. Каждый размышлял о чем-то своем...

Автобус подходил к Андхери. Сосед мой, держа одну руку в кармане, а другой хватаясь за железный прут, неверными шагами направлялся к выходу. Я тоже вышел из автобуса и

последовал за бродягой. Я хотел проучить этого жулика, я должен был знать, что он поплатился за свой подлый поступок. Да, вот сейчас я подниму руку, укажу на негодея пальцем и громко крикнул: «Вор!».

Бродяга торопливо свернул за станционное здание, туда, где на углу сидел продавец гороха. Подойдя, вернее, подбежав к нему, бродяга бросил на лоток две аны и яростно накинулся на еду, словно дикий зверь на свою добычу. Глаза его больше ничего не выражали, кроме голода. Один голод, один непомерный голод!

Я направился к этому человеку. Но ничего не успел сказать ему. Заметив меня, он громко рассмеялся, указав в мою сторону длинным худым пальцем, и жестко бросил:

— Вор!

ПОЛЬ

— Поль!

— Yes, darling *?

— Что это значит? Я вовсе не ваша darling!

— Ты — моя дорогая. Я не зря это сказал, ты знаешь. Разве ты мне не веришь?

— Я это уже слышала.

— Да, я это говорил тебе несколько раз — в Париже.

— Ты порядочная свинья!

— Нет, я не свинья, я — ариец. И ты тоже арийка. Мы оба арийцы: я — француз, ты —

* Да, дорогая (англ.).

англичанка. Мы с тобой в Индии, мы, представители арийцев, одни в этом лесу, в этой пустыне, в этом океане. Мы одни, словно остров, со всех сторон окруженный водой. Так скажи же, Дороти, почему нам не любить друг друга?.. У тебя несколько странное имя — Дороти. Мне оно не нравится. Твое имя должно бы быть Лизли, Роз... или Вайн. Да — Вайн, это будет хорошо. Милое, пьянящее имя! В нем — хмель виноградных лоз Франции. Та же искристость, тот же аромат, та же тонкость... Вайн!

— Как странно ты говоришь. Очень приятные слова...

— Тебе они нравятся? Впрочем, они всем женщинам нравятся, все это говорят.

— Всем женщинам? Так ты... Убирайтесь! Я уйду. Я не буду сидеть с вами за одним столом!

— Нет, сиди!.. Англичане — весьма странная нация. Пугаются даже слова «любовь». Между тем любовь — душа французской цивилизации. Знаешь ли, что сказала бы на твоём месте француженка?.. Впрочем, это не важно. Мы в Индии, мы одни, и сегодняшняя ночь — наша.

— Сегодняшняя ночь? Вы несёте вздор... Вы проводите меня домой, не правда ли? Папа, наверное, давно меня ждёт.

— Хм, хм! Не вспоминай, пожалуйста, про папу, сегодняшняя ночь — наша... Мы сидим в китайском ресторане. Не странно ли: китайские кушанья — в Индии, индийские кушанья — в Китае? Когда я был в Чунцине, я посещал индийский ресторан. Как он называл-

ся?.. «Индия кафе». «Индия кафе»!.. Ох! Вспоминаю французские кафе... Каждый день, каждый миг вспоминаю. Разве здесь — кафе? Ни обстановки, ни этого прелестного щебета вокруг... Я так хотел бы услышать снова мой милый родной язык. Извини, но на твоём английском языке говорят так, будто катят каток по булыжной мостовой.

— Shut up *!

— Я говорю правду, а правде всегда говорят «Shut up!», Дороти! Я люблю тебя, и мы с тобой сегодня одни... Официант! Оставь эти блюда, они нам понадобятся позже. Любовь не ждет ни мгновения. Чего ты испугалась, Дороти? Этот официант плохо понимает по-английски.

— А если все-таки он поймет, — что тогда?

— Не стоит беспокоиться. Он, вероятно, каждый день слышит такие разговоры за этим столом.

— Ты просто нахал! Я жалею, что пошла с тобой ужинать.

— Ты говоришь неискренно. Ты лукавишь, я хорошо это вижу. Послушай, Дороти, я буду называть тебя Вайн. Ты не возражаешь? Твои глаза говорят об этом. Послушай же, Вайн, ты очень красива. Должно быть, ты не раз слышала это от англичан. Но ты должна услышать то же и из уст француза. Твоя красота необычайна. В ней запечатлена вся свежесть девственности. Мне очень нравятся твои глаза, глубина чарующе чистых зрачков и этот пьянящий золотистый цвет, словно прованское мас-

* Перестаньте (англ.).

ло смешали с медом. И эти волосы, выющиеся, как пески пустыни... Ха-ха-ха! Какое благоухание исходит от них...

— Отодвиньтесь, не трогайте меня!

— ...Какой аромат исходит от них! Прекрасный, милый, легкий, тонкий, как будто созданный из свежести и прохлады морского воздуха. Ах, английская женщина! Любила ли ты когда-нибудь француза? Нет? Значит ты не знаешь, что такое любовь. Люби меня!

— Да ты просто болтун. Наверное, поэтому ты так мало нравишься мне.

— О! Теперь ты вышла на правильный путь. Каждая женщина сначала кокетничает, а потом находит верную дорогу. Так по крайней мере учит меня мой опыт.

— Ваш опыт? Ух, какой вы циник!

— Я говорю правду. Вайн, ты мне нравишься, и я тебе нравлюсь, и мы с тобой одни в этой Индии. Сейчас война, смерть трубит в свой рог, возможно, завтра я умру, а ты уедешь из Пуны в Сикандарабад, Мунгер или еще куда-нибудь. Но сегодня судьба нас соединила. Среди сотен тысяч и десятков миллионов вихрей столкнулись два атома, я и ты, и кто знает, когда мы увидимся снова. Пойдем же, сделаем полной нашу встречу. Я живу в «Пуна-отеле». В моей комнате тихо, спокойно, вокруг ни души. Жизнь спит. Окно увито розами. Два ярких цветка, словно две чистые слезы, загорятся в твоих волосах, о darling!

— Я проголодалась.

— Так давай ужинать. Тебе нравятся разговоры о житейских делах — таковы англичанки. Француза всегда тянет к любви, англича-

нина — к еде. Извини, darling, эта особенность лежит в основе вашей империи, куда входит и Индия. Скажи, что ты думаешь об этой стране?

— Я до сих пор ее еще не видела, но твердо знаю одно: она очень... очень дурно пахнет.

— Дурно пахнет? Пожалуй, ты права. В этой стране много вони. Мы с тобой здесь одни — два чистых белых священных потомка арийской расы. Идем, забудемся, обнимем друг друга...

— Шш!.. Шш!..

— Хлеб?..

— Пошел к черту, официант!

* * *

— Поль!

— Что, дорогой?

— Познакомьтесь, пожалуйста. Это Ахтар — крупный индийский поэт, Джавед — знаменитый индийский актер, Вьяс — известный писатель, Анант — прекрасный охотник.

— Но почему здесь нет ни одной девушки? Вы, выдающиеся люди Индии, как вы можете жить без женщин?

— Никто из нас и дня не может пробыть без них. У нас у всех жены и дети, матери и сестры. Мы любим, бывают у нас и любовницы...

— И все же кажется, — извините, но у меня такое впечатление, — что каждый индеец прячет свою женщину в какую-то фантастическую темницу — порождение мрачного воображения.

Повсюду мне чудятся парды* и стены. Я хочу... Ну, как мне объяснить вам, чего я хочу? Что тут поделаешь!.. Я — иностранец, вы — индийцы. Я — белый, вы — темнокожие. В душе вы, наверное, ненавидите меня. Ведь вы ненавидите каждого европейца. Как же вы можете поверить моим словам?

— Нет, Поль, мы ни к кому не питаем вражды. Мы лишь восстаем против такого порядка, который сеет семена ненависти к нам.

— Оставьте книжные слова, давайте говорить попросту. Простите меня, но эта комната, эти люди, эта обстановка, — разве они не отражают ваше моральное падение и умственную отсталость? Может ли культурный человек так жить? Этот половичок с аляповатым узором из цветов и листьев, это большое зеркало, это окно с железными прутьями, эта тахта, не европейская, но уже и не азиатская, — где же здесь культура?! Печать какой цивилизации лежит на всем этом? Объясните мне! Вот мы с вами находимся в комнате — в чем ее особенность, в чем привлекательность?

— Тс!.. Тс!.. Осторожнее, Поль, выбирайте выражения! Это комната возлюбленной Ахтара.

— Возлюбленной Ахтара? О нищета! Извините, поэт... Ведь вы поэт, у вас должно быть и сердце поэта, но почему душа этой комнаты так бедна? Пустые стены, голые стекла, уродливая тахта...

— Я снимаю любую комнату...

* Парда — занавес, отделяющий женскую половину дома.

— Любовь не может обитать в любой комнате! Любовь в любой комнате — это скотство. Вы знаете, что бы я сделал, если бы это была комната моей возлюбленной? Я покрыл бы стены ее цветами жасмина... Цветами жасмина, нежными, как французская девушка. Жасмин!.. В вашей стране так много его, и все же эти стены — голые, это зеркало — голое, здесь нет порядочного дивана, нет ковра, на веранде нет вьющихся растений. Почему у дверей нег живой изгороди из жасмина? Зачем в окне эти железные прутья? Это комната вашей возлюбленной или тюрьма? Дорогой Ахтар! Поэт! Объясните, пожалуйста, в какую культуру вы верите. Кем вы стали? Куда идете?.. Я не могу этого понять. Я знаю только одно — вы сами виноваты в своей бедности, в своем рабстве, в своих страданиях. Простите меня, я — не сторонник империализма, я — солдат демократии. Может быть, вам это чуждо?

-- Нет.

— Так вот, поймите меня правильно, поймите то, что я говорю. Кстати, вы угостите чаем?

— Конечно... Вот что я заметил, Поль: когда вы говорите, нижняя губа у вас выпячивается вперед, точно так же, как у одного вашего певца, которого вы, конечно, много раз слышали и который теперь поет свои чувственные песенки гитлеровским офицерам.

— Каждому французу присуща такая манера, заключающая в себе столько обаяния. Это наша национальная особенность. Вы, наверное, видели в кинофильмах игру Шарля Бовена? Шарль Бовен — истинный представитель чарующей

французской галантности. Когда любит англичанин, он говорит: «Я люблю вас, как вы красивы». Это не язык влюбленного, это язык базара. Француз выражает порывы своей души на языке цветов. Жасмин!.. Жасмин... Ахтар, превратите эту комнату в такой цветник жасмина, который затмил бы райские сады Индры *. Когда ваша возлюбленная войдет сюда, вам достаточно будет досказать остальное одним лишь выражением глаз да глубоким вздохом, полным аромата цветов... Не забуду комплимента, который сделал Шарль Бовен своей любимой. Это была как будто обычная фраза, но никогда еще на языке любви не было сказано ничего равного ей по красоте. Он сказал: «Вы не возлюбленная моя, вы — мой Париж». За такую фразу я отдал бы сто жизней... А что говорите вы, Ахтар, своей возлюбленной?

— Я? Я ничего не говорю, я сижу и молча смотрю на нее.

— Это язык азиатов, язык бессилия, язык нищих, рабов и мертвецов. Дорогие мои! Учитесь любить, тогда вы сами станете свободными. Сказать вам по правде, чай этот хорош, но пинала безобразна. У вас неплохое сердце, но вам нужно переменить сосуд, в котором оно заключено, сменить халат, сменить тело. Разумеется, я говорю не о цвете кожи — французы первыми из белых полюбили черную кожу негров. Нам чужды принципы расового неравенства. Я — француз, верный солдат демократии. Ладно! Теперь скажите, нравятся ли вам европейские

* Индра — в древнеиндийской ведической религии бог грозы и бури; почитался как царь богов.

женщины? Что вы скажете, поэт? Впрочем, вас спрашивать бесполезно — ваша возлюбленная...

— Нет, почему же — мне нравятся белокожие женщины.

— А вам, охотник? Расскажите-ка, кто из киноартисток вам нравится.

— Ингред Бармен.

— Скандинавский тип. Почему людям всегда нравится их противоположность? По-видимому, все дело в силах электричества, действующих в человеке. Вероятно, это любовь и ничего больше. Волны электричества... их столкновение — любовь... Вот, например, я терпеть не могу белокожих женщин, а англичанки кажутся мне до того безобразными, что и не смотрел бы на них. Зато я чувствую необыкновенную любовь, неодолимое влечение, постоянную страсть к индийским женщинам. Я люблю каждую индианку — каждую! Мне нравится цвет их кожи, их волосы, походка, смех, простота, материнская любовь, стыдливость, чуткость, терпение. Европейская женщина — клянусь богом! — невероятно безобразна. Пудра, цветные помады и притирания, голые ноги, синие прожилки, пятна — уф, какая гадость! Где плавные колыхания волнующих сари, струящихся, словно морские волны к прибрежному песку?.. А эти шафранные тики * на лбу... Особенно нравятся мне темнокожие женщины Андхры. Я обязательно женюсь на индианке и останусь в Индии на всю жизнь.

— Не выдумывайте, Поль, вы женитесь на французской девушке, на какой-нибудь гаскон-

* Т и к а — кастовый знак.

ке, и после окончания войны будете торговать французскими винами. Зачем вам оставаться в Индии?

— Это верно, я не в силах оставить Францию, но я хочу увезти туда индийскую девушку. Я думаю, Франция примет ее. Мои родители встретят ее с распростертыми объятиями. Мне кажется, она будет счастлива со мной. Я понимаю душу Индии, поэтому и хочу жениться на индийской девушке. Я построю для нее во Франции маленький храм. Это будет брак Франции и Индии.

— Свадьба, которой не удалось сыграть генералу Дюпле и Наполеону*?

— Вы ошибаетесь, дорогой! Я не из тех французов. Я принадлежу к Франции Руссо и Вольтера. Я не империалист, я — солдат демократии. Пойдем-ка куда-нибудь, выпьем и посмотрим, как танцует индийская девушка. Мне очень нравятся индийские улицы и те красные-красные парды, за которыми индианки... Та-та-та... Ха-ха-ха!

— Поль!

— Да?

— Каково ваше мнение о Рене Клере?

— Прекрасный кинорежиссер, лучший французский режиссер, которого испортил Голливуд. Так бывает всегда, когда француз отрывается от своей страны. Он гибнет. Так случилось и с людьми, судьбу которых разделил Рене Клер. Вы знаете, я был его помощником.

— Нет, я этого не знал.

* Намек на многократные попытки Франции осуществить колониальный захват индийских территорий.

— Я даже написал для него сценарий. Затем началась война и все лопнуло.

— Что же это был за сценарий?

— Мать и дочь любят одного и того же мужчину. Этот мужчина — незаконный муж матери, отец этой девушки...

— О! О! Ну, и что же дальше?

— Дальше? Но это очень длинная история. Кончается она тем, что дочь и отец живут как муж и жена. Законного брака, конечно, нет, но что из того? Любовь не уложишь в рамки законности... Официант, принесите две большие бутылки виски!

— Должно быть вы сегодня очень радостно настроены, Поль? В чем дело?

— Есть причина. Я хотел вам рассказать о ней, но подумал, что лучше сделать это после четвертой рюмки коньяка с содовой.

— Расскажите сейчас.

— Завтра утром я распрощаюсь с Индией и уеду во Французскую Сирию.

— Что же в этом радостного?

— То, что я покидаю Индию, уезжаю во Французскую Сирию. Там начинается Римская империя. Париж — в двух шагах, и, если правду сказать, Французская Сирия — это наша страна.

— Как же это она может быть для вас, Поль. «нашей страной»?

— Что? Что?

— Подумайте-ка — Французская Сирия. Понимаете ли вы смысл этих слов? Не воспринимайте его поверхностно, уловите его внутренний смысл, Поль. Французская Сирия... Французская — почему? Французская Сирия, Британ-

ская Индия, Голландское Борнео — не чувствуете ли вы нелепости и грязи за внешним блеском этих слов?

— Давайте пить виски.

— Завтра вы уезжаете, Поль. Я очень рад. Вы сообразительный француз. Вы — настоящее зеркало буржуазной цивилизации, ее верований, ее морали. Пейте вино, друг, завтра вы уезжаете во Французскую Сирию!.. История завершила цикл развития за последние полтора-два десятилетия. Что значат полтора-два года? Полтора-два дня, полтора-два мгновения, совсем ничего... И кто-нибудь вам скажет: «Я уезжаю в Китайскую Францию, или в Индийскую Британию, или в Негритянскую Италию». Вы будете рады?

— Да вы, наверное, слишком много выпили — у вас помутилось в голове и вы начинаете нести вздор!

— Голова моя совершенно ясна, и говорю я здраво. Теперь я вижу, как вы лживы, как лжива ваша «цивилизация». Ваше торжество — дутое, ваше величие — пустое. Друг мой, вы умерли, потому что дали поселиться в своем сердце несправедливости, насилию и жестокости. Презренные индийцы!.. Не грозите мне кулаком, Поль. Поберегите ваши угрозы для той индийской женщины, которой вы постройте храм во Франции. Ведь храм, где родилась душа Руссо и Вольтера, рассыпался в прах. Я — презренный, но я жив. Вы — окружены почетом, но вы мертвы, а я не имею ничего общего с мертвецами. Поезжайте, отправляйтесь во Французскую Сирию или Голландскую Африку. Вас ожидает новая война. Подобно тому как после

дня наступает ночь, так после лживого мира вновь наступит война, потому что, Поль, вы до сих пор пребываете в ненависти, захлебываетесь ненавистью... Не останавливайте меня, дайте мне сказать — сейчас пришла моя очередь, а вы уезжаете во Французскую Сирию, и мы оба пьем виски... Один из нас жив, другой мертв. Один — презренный, другой — высокомерно жестокий. Подождите, Поль, чего вы встали, куда вы уходите? Выслушайте на прощание своего друга. Я не один, Поль! Я — это четыреста миллионов... Я — не ненависть, я — любовь. Я — не Наполеон, я — потомок миротворцев Ашоки, Акбара и Гаутамы *. Вы слышали имя Кабира **? Послушайте-ка, Поль! Я — это живопись и каменные чудеса храмов Аджанты и Эллоры, это кружевной мрамор Тадж Махала; я — всеприятие, я — высокая человечность. Даже будучи свободным, вы не можете любить, а я, еще оставаясь рабом, люблю вас. Мой дом велик, мое сердце необъятно, моя душа безгранична... Постойте-ка, Поль! Возьмите эту гирлянду из цветов жасмина — прощальный подарок униженной вами страны... Послушайте, послушайте, Поль! Поль!.. Я хочу вас спасти от этой новой войны. Послушайте, Поль, у меня нет ненависти к вам!.. У меня нет ненависти к вам...

* Ашока (III в. до н. э.), Акбар (XVI—XVII вв.) — выдающиеся правители Индии; Гаутама — родовое имя Будды.

** Кабир (1440—1518) — народный поэт Индии, писал на языке хинди.

ТЕНЬ

Это случилось в незапамятные времена, почти тотчас же после сотворения мира. Тогда тень — я говорю об обыкновенной тени, которую отбрасывает любое живое существо, — была светлой и блестящей; веселым солнечным зайчиком плясала она у ног хозяина.

Но вот наступил день, когда тень человека восстала против своего повелителя и гневно заявила:

— Послушай-ка, джи *! Мне что-то не нравится, как ты себя ведешь. Ты превратил меня в свою служанку, и даже хуже того — в рабыню! Ты восседаешь на стуле, а меня оставляешь валяться у твоих ног; сам садишься за стол, уставленный яствами, а меня бросаешь у стены позади себя; куда бы ты ни пошел — я вынуждена повсюду следовать за тобой. Я служу тебе двадцать четыре часа в сутки, и все это время ты держишь меня у своих ног. Вечно я возле тебя — справа или слева, спереди или сзади, — словно твой телохранитель или наемник! Можно ли это терпеть? Ты только и знаешь, что ешь да пьешь, толстеешь прямо на глазах, а я за всю мою службу у тебя не поправилась и на тысячную долю волоска. Попробуй, ущипни меня, если не веришь! Я решила бросить тебя. В самом деле, на что это похоже: без конца то растягивайся, как резина, то съеживайся, словно крыса, и подползай к твоим подошвам... Ты, кажется, вообразил, что мне без тебя не

* Джи — частица, прибавляемая к имени в знак уважения.

обойтись? Так вот, знай, что с завтрашнего дня каждый из нас идет своей дорогой. Хватит с меня такой жизни! Прощай!..

Услышав столь непочтительную речь, человек не на шутку разгневался.

— Вон отсюда! — прогремел он. — Убирайся сейчас же! И откуда только берется такая наглость?! Думаешь, после всей той чуши, которую ты тут несла, я прибавлю тебе хоть рупию жалованья? Ты, верно, вообразила, что без тебя я жить не смогу?! Разве ты работаешь вместо меня? Может быть, ты готовишь еду или убираешь дом? Рубишь дрова и приносишь их из лесу? Чистишь обувь? Единственно, на что ты способна — это крутиться у моих ног, подобно тому, как глупая жена без конца топчется вокруг своего мужа. Мне уже тошно глядеть на тебя. Ты, кажется, собиралась завтра меня покинуть? Так нет же, убирайся немедленно из моего дома!

— Что ж, могу и сейчас уйти! — ответила тень. — Я не хочу больше делить с тобой жизни!

И поднявшись от ног человека, тень выскользнула из дома.

На лугу за домом мирно паслась буйволица. Увидела тень буйволицы, что тень человека скользит по траве, одна, без своего повелителя, и от изумления не могла издать ни звука. Наконец, немного придя в себя, она спросила:

— Что это?.. Ты гуляешь одна?!

— Молчи, подруга! Молчи и ни о чем не спрашивай! — весело ответила тень человека. — Отныне я больше не служу своему хозяину!

— Почему?

— Ох сестрица, да где это видано, чтобы служба продолжалась круглые сутки? К тому же еще приходилось терпеть капризы да насмешки, то и дело меня топтали ногами! Вот я и ушла.

— Ты права, сестрица! — тень буйволицы глубокомысленно кивнула. — Возьми хоть мою повелительницу — ей обязательно надо затащить меня в лужу или в болото и всю выпачкать. Вечно по мне ползают мухи. А иногда налетят вороны и как начнут долбить меня клювами! Ведь моя хозяйка так ленива, что и мухи хвостом не сгонит... А вороны... посмотри, я вся в крови от клювов этих проклятых птиц!..

— Ох, и в самом деле! — соболезнующе вздохнула тень человека, внимательно оглядев подругу.

Тень буйволицы, устремив на свою госпожу полный ненависти взгляд, заявила:

— Примите мою отставку, сестра-буйволица: я ухожу от вас!

Буйволица и ухом не повела; лежа на траве, она с упоением жевала жвачку.

— О, если бы ты знала, как мне надоела жвачка! — воскликнула тень буйволицы, торопливо скользя следом за тенью человека. — У меня челюсти сводит от этой гадости!

— Но ты и сейчас продолжаешь ими двигать, словно жуешь жвачку, — заметила тень человека.

— Угу! — рассмеялась тень буйволицы. — Ничего не поделаешь — скверная привычка! Но теперь-то я от нее отделаюсь! — И она крепко стиснула челюсти.

Подруги пересекли лужайку и направились

дальше. Прежде, находясь на службе у своей хозяйки, тень буйволицы не могла двигаться быстро. Теперь же она вдруг почувствовала себя удивительно легкой и воздушной. От радости она даже стала кататься по траве.

Вдруг рядом с ней метнулась какая-то крошечная тень — прыгнула и тут же отскочила. «Кто бы это мог быть?», — подумала тень буйволицы и тут же догадалась: в траве скакала маленькая белка.

Тень белки удивленно уставилась сначала на тень буйволицы, затем на тень человека. Вот так чудеса! В чем же тут дело?

Тень буйволицы засмеялась.

— Привет, сестрица! С сегодняшнего дня мы — вольные птички! Никаких обязанностей, живем, как душа пожелает. Куда захотим, туда и пойдем, где понравится, там и заночуем, когда вздумается, тогда и поработаем. Вот мы какие!

Тень белки горестно вздохнула.

— Ох, я совсем из сил выбилась с этой проклятой белкой! — пожаловалась она. — Никогда ни минуты покоя! Сейчас она на стволе, а через миг вон на той ветке, только что была здесь, и вдруг, глядишь, — она уже там. Мне, несчастной, дух перевести некогда! А если моя хозяйка не прыгает, то уж наверняка щелкает орехи или вылизывает свой пушистый хвост. Только и знает, что крутится, вертится, словно ртуть! Я готова бежать сломя голову от такой жизни!

— Тогда пойдем с нами!

— Пойдемте... Мисс-сахиб, — обратилась тень белки к своей госпоже, — я ухожу от вас!

Белка распушила хвост и гордо вскинула голову.

— Так, так! — возмущенно проговорила она. — Чтоб ты сгинула, мерзавка! Я и сама не стану держать на службе такую продажную душонку! Бесстыдница! Негодница!

Но тень белки не смутила подобная брань. Смеясь и подпрыгивая, она скользнула следом за подругами в густую чащу. Некоторое время она попевала за тенью человека и тенью буйволицы, но вскоре силы изменили бедняжке, и она, тяжело дыша, упала на землю.

— Я всю жизнь только и делала, что прыгала, и вот утомилась... — печально проговорила она и попросила тень буйволицы: — Возьми меня к себе на спину!

— Ну что ж, садись, — ответила та. — Ты не очень тяжелая?

И тень белки устроилась на спине у подруги.

Вскоре на пути им повстречалась раскидистая яблоня. В ее тени отдыхали путники; развязав свои узелки, они с аппетитом закусывали и любовались красавицей яблоней, сплошь усыпанной цветами.

— Какие прелестные цветы! — заметил один из путников.

— А что за чудесные яблоки бывают на этом дереве осенью! — добавил другой.

Тень яблони в это время тихонько беседовала со своими свободными приятельницами.

— Слыхали?! — возмущилась она. — Эти люди сидят под яблоней, любят ее цветы, расхваливают плоды... А не будь меня, разве стали бы они здесь сидеть? Да без меня у яблони высохли бы корни, так что и цветы, и

плоды, и листья — все погибло бы! Но мне никто и доброго слова не скажет! Яблоня ни разу не бросила мне ни одного плода — все отдает путникам. Такова-то ее признательность!

— Так почему же ты не покинешь это неблагодарное дерево, как я покинула свою непоседу-хозяйку? — спросила тень белки.

— Ты, конечно, права, сестрица... Но я так долго жила здесь вместе с деревом и, наверное, так прочно приклеилась к нему, что мне теперь и шагу не сделать... За это время ноги у меня совсем одеревенели.

— Ничего, сестрица, пойдем с нами! — принялась уговаривать ее тень человека. — Хоть на мир поглядишь.

— Госпожа моя яблоня, — обратилась тень яблони к своей хозяйке, — да хранит тебя бог, прощай, я уйду.

В ответ раздался громкий шелест — это засмеялись цветы яблони. А тень яблони последовала за подругами.

Долго шли они и наконец оказались на берегу реки. Надо было переправляться на ту сторону. Но как? Поразмыслив хорошенько, тень буйволицы посадила себе на спину тень человека и тень белки и, держась за одну из ветвей тени яблони, переплыла реку.

Когда подруги выбрались на берег, тень белки сказала:

— Подумать только, если бы я продолжала служить у своей госпожи, я так и осталась бы на том берегу!

— А я утонула бы, потому что мой господин не умеет плавать, — промолвила тень человека.

— А мне еще бог знает сколько времени при-

шлось бы барахтаться в речном иле, — добавила тень буйволицы. — И все мое тело пропиталось бы грязью... О, до чего же нечистоплотны эти живые существа!

— А какое наслаждение плыть по реке! — воскликнула тень яблони. — Сестрицы, а ведь если бы я осталась со своей хозяйкой, мне никогда не пришлось бы увидеть реку!

И подруги, довольные своей судьбой, двинулись дальше. Они шли по открытому месту, солнце источало зной; тени были светлые, ясные, и каждая из них чувствовала себя бодрой и сильной.

Вскоре, однако, зеленые поля сменились бескрайней пустыней. Повсюду желтели пески, над ними хозяйничал знойный самум. Полыхало солнце.

Бедняжки-тени заметно приуныли.

— Уф, какая жара! — жалобно воскликнула тень человека. — Останься я со своим хозяином — сидели бы мы с ним дома и наслаждались ветерком от вентилятора...

— А я нырнула бы в прохладную реку, — вздохнула тень буйволицы.

— А моя хозяйка укрылась бы в густой чаще, — уныло протянула тень белки.

— А тонкие шелковистые листья яблони навевали бы на меня прохладу, — добавила тень яблони.

— Я, кажется, скоро обращусь в пепел! — продолжала сетовать тень человека.

Тут тень белки взглянула на тень яблони и испуганно вскрикнула:

— Смотри, смотри! Ты вся почернела!

— И ты тоже! — ответила тень яблони.

Все четверо с изумлением смотрели друг на друга: тела их, прежде такие светлые и прозрачные, теперь увяли от солнечного зноя и на глазах становились все темнее и темнее.

— Когда же кончится эта пустыня?! — в отчаянии воскликнула тень белки.

Тень буйволицы задвигала челюстями, словно пережевывая жвачку, и горестно вздохнув промолвила:

— Я уже не в силах идти дальше! Очень хочется есть...

— Ну так жуй песок, — усмехнулась тень человека.

— Мы все хотим есть, — примирительно заметила тень яблони. — Но что делать? Поблизости нет ни зелени, ни воды... И крова нам никто не приготовил... Единственный выход — любыми средствами выбраться из пустыни. Поспешим же, сестрицы! Там, впереди, мы, может быть, найдем еду.

Подруги прибавили шагу. Но выбраться из пустыни оказалось не так-то просто. Четыре дня блуждали они по пескам и лишь на пятый, еле живые от голода и жажды, увидели зеленую долину. За долиной высились горы, заросшие густыми лесами. У подножия гор раскинулась деревушка, в центре которой возвышался красивый дом. Стены его были сложены из голубого камня, дверь украшена инкрустациями, в окнах блестели цельные стекла, крыша сверкала. Неподалеку от дома, у скалы, звенели струй-

ки горного родника, как бы маня усталых путников испытать прохладной влаги.

Сколько прелести, сколько очарования было в этой картине! Нашим путешественницам показалось, что перед ними волшебный край. Радости их не было предела. Но тут вдруг они заметили, что над горами собрались тучи. Белые и синеватые клочья их тянулись к долине.

Когда, весело переговариваясь, подруги подходили к красивому дому возле родника, мгла заволокла уже все небо. Загрохотал гром, и упали первые капли дождя.

Едва лишь скрылось солнце, не стало видно и теней.

— Где ты? — спросила тень человека у тени яблони. — Пошел дождь, я мокну... Я хочу к тебе!

— Я-то здесь, — отозвалась тень яблони. — А вот ты где? Тебя совсем не видно.

— Подружки, милые, куда вы все подевались?! — воскликнула тень белки. — Зачем вы оставили меня одну под дождем? — и бедняга разрыдалась.

Спокон веку считалось, что буйволицы не блещут умом. Но в несчастье, постигшем наших странниц, тень буйволицы оказалась самой разумной.

— К чему лить слезы, сестрицы? — тихонько сказала она. — Правда, сейчас мы не видим друг друга, но стоит ли горевать из-за этого? Ведь голоса-то мы слышим. Нам надо идти на голос тени яблони и возле нее укрыться от дождя.

— Какие мудрые слова! — восхищенно заметила тень человека. — Не правы те, кто утвер-

ждает, что буйволицы неразумны! Если меня когда-нибудь спросят, у кого самый тонкий ум, я укажу на тень буйволицы!

И подруги последовали совету тени буйволицы. Но что это? Никто из них так и не спасся от дождя.

— Я по-прежнему мокну, — заявила тень человека.

— И я! — отозвалась тень буйволицы.

— И я! — отчаянно всхлипнула тень белки.

— Я сама мокну, — печально призналась тень яблони. — Прежде я почти не замечала, что у дерева есть листья, а они заслоняли меня от дождя. У меня же листьев нет... Я всего только тень...

Дрожа от холода, тень человека предложила:

— Неподалеку отсюда стоит дом. Пойду постучу в дверь. Уверена, что в такое ненастье люди не откажут нам, чужестранкам, в приюте.

— Ох, ради бога, скорее иди к людям! — заторопила ее тень белки. — Иначе этот ливень окончательно смочит меня!

Где-то в толще облаков раздались сильные раскаты грома, порывы ледяного ветра стали еще яростнее. Тень человека бегом поднялась по склону долины, подошла к дому и постучала. Но прошло довольно много времени, а дверь никто не открыл. Тогда тень человека обогнула дом и заглянула в окошко. В комнате было так светло! В очаге весело горел огонь; мужчина, женщина и четверо детей сидели вокруг стола, уставленного яствами. Чего тут только не было! И жареная птица, и красные помидоры, и ароматные хлебцы с золотистой корочкой, и кусок сливочного масла в большой пиале...

Пораженная этим великолепием, тень человека что есть мочи принялась барабанить в окно. Дружное семейство, весело переговариваясь, продолжало трапезу. Никто не оглянулся на стук: видимо, они не слышали его.

Удрученная, вернулась тень человека к подругам.

— Ну, как дела? — спросила ее тень буйволицы.

Тень человека печально вздохнула:

— В доме есть люди. Сейчас как раз обедают. Но... они не отзываются на мой стук...

— А громко ли ты стучала? — встревожилась тень белки.

— Так стучала, что кулаки отбила! Но от удара моей руки нет звука. Ведь я — только тень.

— Что же нам делать?! — в отчаянии спросила тень яблони.

Воцарилось тягостное молчание. Вдруг тень белки осенило:

— Там, у дома, стоит большое ореховое дерево. Я заберусь на него и нарву для всех орехов! Мы как следует подкрепимся, а тем временем и дождь кончится. Тогда — снова в путь!

Подруги воспрянули духом. А тень белки, подбежав к дереву, забралась на него и принялась сбивать орехи... Она била по ним лапкой, старалась перегрызть веточки, на которых они держались, но... ничего не получалось. Бедняга медленно спустилась и села на землю возле приятельниц, от смущения спрятав мордочку в пушистый хвост.

— В чем дело? — нетерпеливо спросила тень человека.

— Оказывается, я не могу добывать и разгрызать орехи, — горестно вздохнула тень белки. — У меня во рту нет зубов, только их тени...

*

*

*

Пять дней и пять ночей над долиной лил дождь, бушевала непогода. На шестые сутки буря прекратилась, облака рассеялись, и снова засияло солнце, разливая повсюду благодатное тепло. Наши странницы-тени вновь обрели свои прежние очертания. Навсегда изменился только их цвет: из светлых, сверкающих они превратились в темные.

Подруги печально оглядели друг друга. В их глазах застыл один и тот же вопрос: что теперь делать?

— По-моему, нам следует вернуться к своим хозяевам, — решительно заявила тень человека.

*

*

*

Добравшись до города, в котором она прежде жила, тень человека пустилась разыскивать своего хозяина. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что он сидит в тюрьме!

— Ты вернулась! — радостно воскликнул человек, увидев свою тень. — Чудесно! Значит я снова буду свободен!

— А что тут произошло? — усталым голосом осведомилась тень.

— Лучше не спрашивай! — сердито отозвался человек. — После твоего ухода люди замучили меня: они таращили на меня глаза и без конца спрашивали: «Где твоя тень?» Все стали меня сторониться. Никто не приглашал к себе, да я и сам не решался ходить по гостям. Где бы я ни появлялся, испуганные дети прятались от меня, люди шарахались в стороны. В конце концов ко мне явился начальник полиции. «Ты колдун или дьявол? — спросил он. — Где твоя тень?» Что я мог ответить? Разве кто-нибудь поверил бы, что моя тень убежала? Меня арестовали... Хорошо, что ты хоть теперь вернулась.

Тень человека сказала:

— Да, я вернулась, и отныне уже никогда не расстанусь с тобой.

Человек протянул ей руку.

— Я тоже был неправ, когда, разгневавшись, прогнал тебя. Разве я знал, что ты мне так же нужна, как и я тебе? Человеку нужна тень, а тени — человек; мы необходимы друг другу так же, как земле — небо, дню — ночь, потому что ночь — это тень дня...

ДУДУ

При виде лалы* Бхоларама невольно приходило на ум, что на его долю выпало немало подзатыльников, таким убогим — прибитым и сплюснутым — казался его тюрбан. Не менее

* Л а л а — господин; почетный титул у некоторых каст торговцев.

жалкой была и походка Бхоларама: согнувшись в три погибели, втянув голову в плечи, он торопливо переступал мелкими шажками, поднимая ступни выше, чем это обычно делают все люди, и в то же время с опаской озираясь по сторонам. Казалось, крикни кто-нибудь возле него «кыш!» — и он тут же юркнет в первую попавшуюся щелку. Огромные уши и крохотные глаза никак не могли служить украшением длинного унылого лица Бхоларама. Он напоминал кролика: столько робкого, поистине кроличьего было во всем его облике. Доброжелатели принимали эту робость за наивность.

С тех пор как лала Бхоларам себя помнил, его всегда кто-нибудь опекал. Мать Бхоларама умерла рано — он даже не успел познать всей прелести ее объятий, всей ласки, светившейся в ее взоре, всей сладости любви, источаемой ее сердцем. Лишь суровая нежность отца выпала на долю Бхоларама; под нудные поучения старика прошло детство, пролетела юность...

Когда отец задохнулся от астмы, опекунство над Бхоларамом принял его младший брат. Он весьма ревностно выполнял свои обязанности, пока не вступил в армию и не отбыл в Сингипатам.

Тогда бразды правления перешли к старшей сестре. И она покрикивала на Бхоларама, и она отнимала весь его заработок, и она заставляла его дрожать из-за лишней пиалы чая. Сестрица не теряла времени зря: она завела шашни с одним беспутным, но богатым купцом, а когда стало ясно, что знакомство это не осталось без последствий, пригрозила своему приятелю судом и женила его на себе. Молодожены

сразу же перебрались подальше от прежних мест — в Караулбаг.

После отъезда сестры дом уподобился Индии на другой день после ухода англичан: никто больше не кричал на Бхоларама, никто не отбирал у него деньги.

Первые несколько дней Бхоларам чувствовал себя совсем потерянным: он не знал, что делать со свалившейся на него свободой. До сих пор работа и домашний уклад связывали его такими прочными узами, что он и представить себе не мог какого-то иного образа жизни. Теперь же, когда все эти узы распались, Бхолараму вдруг показалось, что пошатнулся самый фундамент мироздания, что якорь, удерживавший корабль его бытия в бухте привычного существования, оборвался, корабль унесло в море и он, Бхоларам, тщетно борется с разбушевавшейся стихией. С отчаянием утопающего бедняга посылал безмолвные мольбы старшей сестре, младшему брату, обращал скорбные взоры к висевшему в гостиной портрету покойного отца... Мысленно он умолял своих мучителей вернуться, подобно тем нашим согражданам, которые с непривычки к свободе готовы призвать обратно англичан. Но те, кого он звал, не возвращались, и Бхоларам, уронив голову на скатерть, горько рыдал. Он лил слезы не о покинувших его близких, а о том, что некому стало бранить его...

Так прошли первые два-три дня. Понемногу Бхоларам научился сам готовить себе чай, да и тишина в доме стала меньше угнетать его. Правда, иногда ему казалось, что он слышит резкий скрипучий голос сестры, и тогда с кри-

ком «Иду, иду, джи!» он выскакивал во двор, но, убедившись, что там никого нет, удрученный собственным малодушием, торопливо возвращался в дом.

Со временем Бхоларам постиг кое-какие тайны кулинарного искусства, научился вдевать нитку в иголку, пришивать пуговицы. Теперь уже он стал ощущать робкое наслаждение от сознания собственной свободы; его частенько охватывало то блаженное чувство, которое испытывает человек, когда пьет свежий чай, выходит ранним утром на прогулку или после ночной стужи греется на солнышке. Плотнo законопаченные поры его души постепенно стали раскрываться. В день получки, когда он вдруг понял, что отныне все деньги будут оставаться в его кармане и ему не придется кланяться у отца, брата или сестры восемь ан, его скорбно поджатые губы расплылись в радостной улыбке. Она пробежала по щекам и вспыхнула в глазах. На какое-то мгновение показалось, что унылый, печальный путь, которым до сих пор шла его жизнь, привел вдруг к воротам, ведущим в страну счастья.

Но уже в следующее мгновение Бхоларама охватила тревога: непривычный груз рупий угнетал его. Тщательно заперев все двери и окна, он отложил монету в восемь ан, а остальные деньги спрятал в укромное местечко. Затем на цыпочках прошел через двор в кухню и стал готовить себе чай. Как будто все вокруг было спокойно, никто ничего не видел.

Вдруг у дверей послышался какой-то шум. Руки у Бхоларама задрожали, пиала выскользнула из них, упала и разбилась. Да, теперь он

ясно слышал: кто-то стучал в дверь... Быть может, это приехал на побывку брат? Или сестра, поссорившись со своим супругом, решила вернуться домой?.. В смятении Бхоларам поспешил к двери. На пороге стояла поденщица — она пришла убрать в доме. Облегченно вздохнув, Бхоларам распахнул все двери и окна и отправился обратно в кухню. Но услышав знакомый мотив, он остановился в недоумении. Кто бы это мог напевать? Неужели он сам? Оказывается, и он умеет петь, может смеяться, имеет право разбить пиалу, не опасаясь, что кто-то станет ворчать на него! И тут Бхоларам ощутил сладостное чувство уверенности в себе. Ему вдруг захотелось... полюбить кого-нибудь.

Полюбить... Полюбить тайно, чтобы ни одна душа не узнала об этом, чтобы он встретил, полюбил, любил бы — и никто в целом мире не догадался бы о его счастье. Это будет любовь мимозы — хрупкая, поэтичная, стыдливая... Едва лишь посторонний взгляд коснется ее — и она тут же спрячется, как улитка в своей раковине. Да, да! Жемчужину своей любви Бхоларам скроет в сердце точно так же, как раковина скрывает настоящий жемчуг. О такой любви он мечтал много лет... Но мечтам этим не дано было сбыться. Вначале этому мешал отец, затем — младший брат, потом — старшая сестра. Теперь, наконец, пришла свобода, но ушла молодость. Недавно ему сравнялось тридцать восемь... Когда ему случается снять свой пыльный тюрбан и провести по голове рукой, под ладонью раз от разу все явственнее ощущается солидная лысина. Так-то вот!

И все же разве дело в годах? Разве человек, распростившись с молодостью, теряет право на любовь? Даже попугаи в клетке знают радости любви, да, да, он сам видел! Почему же он лишен права любить? Ведь есть же у него сердце и разум! В душе Бхоларама поднялась настоящая буря.

На другой день он отправился на базар и в лавке торговца подержанным платьем купил довольно приличный костюм. Вместо прежнего жалкого тюрбана обмотал голову куском светло-желтой кисеи.

Когда он в новых туфлях, новых брюках, пиджаке и светлом тюрбане вышел из своего дома, казалось, что плечи его, прежде безвольно опущенные, сами собой распрямились, голова горделиво поднялась. Сегодня Бхоларам готов был сжать в объятиях весь мир, словно возлюбленную, которой до сих пор лишала его судьба.

Квартал представлял собой как бы ожерелье из небольших домиков. Рядом с жильем Бхоларама приютился дом некоего Д. С. Рая. На его террасе и обитала чета попугаев, любовь которых смутила душу Бхоларама. Наш герой бросил на них многозначительный взгляд, но тут же отвернулся: а вдруг лукавые создания догадываются, что у него на уме? От этих попугаев всего можно ожидать! Главный озорник — самец. Бог знает, почему он сегодня молчит. Ведь обычно, стоит ему увидеть Бхоларама, как он начинает вопить: «Бхоларам-Дуду! Бхоларам-Дуду!» С годами все так привыкли к этому прозвищу, что стали называть Бхоларама просто «Дуду». Даже чиновники на службе — и те следо-

вали общему примеру. «Дуду, дружище, просмотри-ка эти две папки!» — обращались они к Бхолараму. И тот не обижался — он давно утратил способность обижаться.

Но сегодня попугай не встретил его привычным «Дуду!». Это придало бодрости Бхолараму, и он, с робкой улыбкой поглядывая по сторонам, продолжал путь мимо дома Д. С. Рая, дома оптового торговца плугами Дживандаса Сирдурии, мимо дома Сардара Викрама Сингха, мимо дома Маник Даса Манкаталы, две дочери которого, обе студентки колледжа, как раз собирались на занятия. Девушки стояли в дверях и не удостоили нашего героя даже взглядом... А он между тем поравнялся с домом Динанатха Упадхьяи, того самого, который никак не мог выдать замуж свою невзрачную дочку Уму. Ума!.. Сегодня Бхоларам был бы не прочь повидаться с ней, вернее — показать себя во всей красе. Смуглая, некрасивая толстуха Ума, невеста, которой давно перевалило за тридцать, представилась ему сейчас в сиянии совершенной красоты... Как обычно в этот час, Ума, наверное, моет пол на веранде и звонко шлепает по лужам мокрой тряпкой. Бхолараму очень захотелось показаться ей в своем желтом тюрбане, в великолепном американском пиджаке, в желтых туфлях, которые при каждом его шаге громко поскрипывали, как бы возвещающая: «Идет Бхоларам-Дуду, идет Бхоларам-Дуду!»

Ума действительно мыла пол на веранде, звонко шлепая по лужам мокрой тряпкой, но она даже не оглянулась на шаги соседа. Бхоларам немного потоптался возле дома, затем внезапно, будто чего-то испугавшись, засеменил

прочь, так торопливо, словно получил удар плетью.

Он все прибавлял и прибавлял шагу. Лицо его пылало. И тут-то, возле последнего дома, замыкавшего квартал, он неожиданно столкнулся с Рампьяри. Женщина с улыбкой взглянула на него. Эта улыбка окончательно вывела Бхоларама из равновесия. Он вздрогнул, рванулся вперед, голова у него закружилась: дома, стены, лавки, электрические фонари, прохожие, трамваи, автобусы, повозки, двуколки — все завертелось в бешеной пляске, увлекая и его самого в круг... А Рампьяри все смотрела на него и улыбалась. Рампьяри, жена суперинтенданта, самая красивая женщина в округе! Что за чудесный взгляд у нее — такой прямой, смелый и ясный, идущий как бы от сердца к сердцу! Столько горячего чувства было в нем, столько нежной ласки, словно это был не взгляд, а прикосновение рук всевышнего. Сердце Бхоларама стало вдруг мягким, как восковая свеча, кровь глухими ударами забила в жилах. Мог ли он представить себе даже в самых сокровенных мечтах, что Рампьяри, эта дивная красавица, поднимет когда-нибудь на него глаза, подарит улыбкой?.. Любовь... Бхоларам испуганно прижал к губам палец и с тревогой огляделся по сторонам.

С трудом добрался наш герой до конторы, с трудом сел за свой стол и проработал этот день.

Мысли его витали там, на углу квартала. Рампьяри... Эти взоры... Улыбка... Чудеса! Он потерял представление о расстоянии, о расположении сторон света, о времени и месте. С каким на-

слаждением он разорвал бы и выбросил за окошко все эти опостылевшие папки! А потом взобрался бы на стол и закричал: «Бегите отсюда, несчастные клерки! Бегите! Отдыхайте! Сегодня — день Рампьяри. Сегодня — день моей любви, день освобождения! Отец мой — в раю, брат — в армии, сестра — в Караулбаге, а я — на свободе! Сегодня на углу квартала я видел чудесный самоцвет... Уходите же, несчастные! Уходите! Отдыхайте...»

Эти фантазии были прерваны приходом рассылного, сообщившего, что Бхоларама вызывает суперинтендант.

Вечером, возвращаясь домой, Бхоларам вновь встретил Рампьяри. Она опять улыбалась. Голубая шаль, прикрывавшая ее голову, сползла назад, обнажив круглый милый затылок. На мгновение Бхоларам замер, глядя в это улыбающееся лицо, но тут же испуганно вобрал голову в плечи и двинулся дальше. Так, с опущенными глазами, дошел он до своего дома, ни разу не посмотрев по сторонам, не взглянув ни на чью веранду. Отныне все Умы перестали существовать для него. Весь квартал он прошел, пристально вглядываясь в камешки, которыми была вымощена дорога. Он знал: там, где кончалась канава, стоял дом Умы, там, где была яма, — дом Сирдурии, дальше, возле мусорной кучи, жила супруга Маник Даса. Внезапно раздался истошный, скрипучий вопль попугая: «Дуду!» Проклятая птица! Бхоларам поспешно юркнул в свой двор. Сердце его неистово колотилось. Он прижал руку к груди и заплакал. Слезы градом катились по его щекам...

На другое и на третье утро он встречал Рам-

пьяри на прежнем месте и каждый раз таял от ее улыбки. На четвертый день Рампьяри не появилась. Но ведь то было воскресенье, и ее муж наверняка сидел дома. Могла ли она, скромная женщина, выскочить на угол, чтобы повидаться с Бхоларамом? Бедняжка! Как стесняют ее все эти условности! Бхоларам дважды бежал на угол якобы за бетелем, но Рампьяри не показывалась. Лишь в третий раз, когда наш герой отправился за сигаретами, он неожиданно увидел Рампьяри, весело болтавшую с мужем у дверей своего дома. Расхрабрившись, Бхоларам взглянул в ее сторону. Красавица скорчила пренебрежительную гримасу и скрылась за дверью. Вначале эта гримаса привела Бхолараму в отчаяние, но потом... потом... Бедняжка! Чего еще ждать от слабой женщины? Разве посмела бы она улыбнуться тебе в присутствии мужа? Посуди сам, возможно ли это? Ведь она — замужем! Может ли она показать всему миру любовь к тебе? Полно, благослови судьбу, Бхоларам! Любовь надо скрывать в таких заповедных тайниках души, куда не посмеет проникнуть ни один посторонний взгляд.

И все же гримаса Рампьяри заронила сомнение в сердце Бхолараму. Она любит... Она не любит... Да... Нет... Да! Придя домой, он принялся гадать. На плитах, которыми был вымощен двор, чертил куском угля палочки и считал по ним. Любит... Не любит... Стирал и снова чертил... И опять стирал... Иногда выходило, что Рампьяри любит его, иногда — что не любит. Бхоларам успокоился немного лишь тогда, когда три раза подряд получился благоприятный ответ. Он попил чаю, улегся на своем

ложе и, раскрыв конторскую папку, погрузился в любовные грезы...

На следующее утро Рампьяри снова была на прежнем месте. И она опять улыбалась. Светло-желтые браслеты на ее молочно-белых руках казались чудом весны. Золотой медальон так красиво сверкал на высокой груди! Глаза Бхоларама словно заволокло какой-то дымкой. Ему вдруг представилось, что эти нежные руки призывно простерты к нему. Браслеты на них звенели. На мгновение в мозгу и сердце Бхоларама вспыхнул яркий слепящий свет. Мир показался ему зыбким, расплывчатым, затерявшимся в тумане. Вдруг резкий толчок... Чьи-то руки обхватили нашего героя, вернули его к действительности. Он понял, что водитель автобуса, идущего от секретариата, чуть было не отправил его на тот свет. Пробормотав слова благодарности спасшему его прохожему, Бхоларам поспешил занять место в автобусе. И хотя в этот час в автобусе собралась целая стайка хорошеньких женщин, он даже и не взглянул на них: вся красота сосредоточилась для него лишь в образе Рампьяри.

Уже давно Бхоларам восседал в конторе на своем обычном рабочем месте, а нежные руки в желтых браслетах все манили его... И постепенно им овладела безумная мысль — признаться в любви своему кумиру. А почему бы и нет? Если она так откровенно призывает его, вправе ли он оставаться прежним Дуду? Ведь должен же он что-нибудь предпринять! Она — только слабая женщина. Нельзя ожидать от нее большего, чем она может сделать!

Весь день подобные мысли не оставляли его.

Наконец он решил собрать все свое мужество и обязательно заговорить с Рампьяри... Может быть, вечером, возвращаясь из конторы, если поблизости никого не будет... Целый день Бхоларам машинально открывал и закрывал папки с делами. Работать по-настоящему он не мог. Единственно на что он был способен, это сочинять фразы своего будущего разговора с возлюбленной.

«Я скажу ей: „О джи!.. Простите, я назвал вас джи...” Она смутится и пролепечет: „Вы называли меня джи”? (Это „джи” она произнесет совсем по-особенному, как никто другой.) Тогда я скажу: „Дорогая!..” (Как сказать — „дорогая” или „darling”? А может быть, „душа моя”? Нет, „душа моя” — слишком интимно, „darling” — слишком по-английски. Лучше всего просто „пьяри” *. К тому же это слово входит в ее имя — Рампьяри...) „Да, дорогая, — скажу я ей, — ты...” (А как же к ней обратиться — на „ты” или на „вы”? Так сразу и бухнуть „ты”? Хорошо ли это будет? Может, сначала называть ее на „вы”, а потом уже перейти на „ты”? Ох, при таких темпах скорее помрешь, чем дойдешь до сути разговора!) „Да, дорогая! Не думай, что я только назвал тебя так — ты в самом деле моя дорогая!” (Ах, как хорошо! Услышав эти слова, она поднимет свои огромные глаза, эти чистые озера радости, и взглянет на меня так нежно, словно обнимет своими ласковыми руками...) „Полноте, Бхоладжи...” (А может быть, она скажет не Бхола, а Дуду? Это будет совсем чудесно... Дуду... Дуду! Какой доброй

* Пьяри — дорогая.

песенкой звенит ее серебряный, тонкий голосок! Дуду... Это коротенькое прозвище в ее устах прозвучит как название изысканных парижских духов... Дуду!) „Вы — представитель неверного племени мужчин. Сколько лет живете в нашем квартале и ни разу даже взгляда не кинули в мою сторону...” „Но сейчас-то я не отрываю его от тебя, душа моя...” (Вот тут „душа моя” будет вполне уместно. Почему? Кто его знает...) Она, наверное, совсем растеряется. Я коснусь пальцами ее подбородка, приподниму зардевшееся от смущения милое лицо и, заглянув ей в глаза, попрошу: „Дорогая, умоляю тебя, один только раз скажи, что любишь меня...” (Это немного театрально, но в подобных случаях уместно.)

Р а м п ь я р и (преодолевая смущение). Ты... ты... ты — мой Дуду!..

Я (смущенный еще больше, чем она). А ты — моя Диди...

Р а м п ь я р и (отступая). Ты — мой Лулу!..

Я (наступая). Ты — моя Зузу!

Затем подойду совсем близко к ней и возьму за руку... Потом, потом...»

Дальше фантазия отказывалась служить Бхолараму. Сердце и мозг его объял туман, в ушах начали лопаться какие-то пузыри... Встав из-за стола, он направился к веранде. Как раз в это время часы на башне секретариата стали бить полдень.

В конце рабочего дня Бхоларам мысленно скрепил свое сердечное «дело» скрепками и, уложив его в папку своей памяти, завязал тесемочки. Пора было идти домой. Бхоларам торопливо убрал бумаги и вышел на улицу. Но — вот

странно! — пока он сидел в конторе, сердце и разум его были в нормальном состоянии. Казалось, каждое слово предстоящего разговора было тщательно продумано и четко врезалось в память. Но по мере того как автобус приближался к дому, сердце Бхоларам начинало биться все чаще, сознание заволакивало каким-то мраком, в котором, рассыпая голубоватые искры, сталкивались электрические волны.

Когда наконец Бхоларам дошел до угла квартала, все слова нежного диалога словно вылетели у него из головы. Горло пересохло, язык распух, будто в него всадили сотню колючек. Ноги отказывались повиноваться — бедняга шатался, как пьяный.

Возле дома суперинтенданта он собрал все свое мужество и, оторвав взгляд от земли, поднял глаза. Прислонившись к притолоке и улыбаясь, на него глядела Рампьяри. Бхоларам окончательно растерялся. Уста его раскрылись было, чтобы произнести «О джи!», но звук застрял в горле. Ноги, описав немыслимый пируэт, зацепились за какой-то камень, зажатые под мышкой папки посыпались на землю... Сгорая со стыда, наш герой бросился подбирать их.

Когда он, наконец, осмелился украдкой взглянуть на дверь, красавицы уже и след простыл. Понурив голову и проклиная себя за трусость, Бхоларам поплелся домой.

На другой день он принял серьезное решение. Так больше продолжаться не может! Если он не осмеливается произнести слова любви, то следует их написать. Стоило ему только подумать об этом, как ворота, двери и окна его мозга широко распахнулись для всех поэтов. Даг, Сур-

дас, Рахмат, Мир, Мирабаи, Раскхан, Мадхук, Кабир, Атиш, Баччан, Азад, Анджам*, прихватив с собой груды увесистых фоллиантов и сбивая друг друга с ног, ринулись вперед. А Гульзар даже ухитрился влезть, пробив отверстие в потолке! Какая это была толчея, какой шум — трудно себе представить!

Первое письмо Бхоларама было на пятидесяти страницах. Собственно говоря, это было не письмо, а описание тяжких странствий израненной души по юдоли скорбей, «Общий обзор тридцати восьми лет жизни Бхоларама-Дуду». Но — увы! — слишком много там было рассуждений, слишком мало жизни... И Бхоларам порвал его на мелкие клочки. Другое письмо было уже на тридцати страницах, следующее — на двадцати.

Так, промучившись три-четыре дня, Бхолараму удалось наконец сочинить послание на семи страницах. В более сжатой форме излить свои чувства он не мог.

Бхоларам несколько раз перечитал свое письмо, мысленно прикинул, как оно будет выглядеть перепечатанным на машинке. Затем аккуратно переписал его: разбил на абзацы, оставил ровные поля, украсил завитушками прописные буквы, тщательно расставил точки и запятые. Потом снова все проверил и, когда убедился, что «общий итог» положителен, приколот к письму розу. Он положил свое послание в надушенный конверт и решил, что, если сегодня, возвращаясь из конторы, встретит Рампьяри, если она будет одна, если она будет весела, ес-

* Выдающиеся поэты Индии.

ли она улыбнется ему, если будут соблюдены все эти «если», он передаст ей письмо и, не говоря ни слова, удалится. Вот и все... А там — будь что будет!

Спокойно, уверенным шагом вышел Бхоларам вечером из конторы. Без всякого волнения сел в автобус. С независимым видом сошел на своей остановке и медленно направился к заветному углу. Рампьяри, как всегда, улыбаясь, стояла у дверей. Но что это? Стоило Бхолараму только взглянуть на нее — и бог знает куда девалось его мужество. Руки и ноги у него задрожали, в глазах потемнело. Позабыв о своем гениальном замысле, бедняга уронил конверт в колючую изгородь садика возле дома Рампьяри и бросился бежать к своему одинокому гнезду.

Обуреваемый сомнениями, Бхоларам всю ночь не мог заснуть. Заметила ли Рампьяри конверт? Вероятно, заметила. Правда, зеленая изгородь в том месте очень густа, но ведь женский глаз зорек, он проникает повсюду, доберется до самого сердца... Может ли статься, что она не увидела конверта? Нет, конечно, увидела! Оставшись одна, она поцеловала конверт, прижала его к груди... А затем вскрыла и прочла письмо. Какие краски, должно быть, играли на ее лице, пока она читала! Она то улыбалась, то вспыхивала от смущения, то досадливо кусала губки; порой сбрасывала покрывало на плечи, потом вновь натягивала его на голову; иногда прятала лицо в подушку, заливалась звонким смехом или, скорчив забавную гримаску, шептала: «Полно вам, джи, полно! Перестаньте!».

В воображении Бхоларама, словно на экране,

одно видение сменялось другим. Из этого блаженного состояния его вывела неожиданно мелькнувшая мысль: а вдруг Рампьяри не заметила письма? Что если оно попало в чужие руки? Бхоларам мигом вскочил с кровати и бросился к дому Рампьяри.

Кругом царили тьма и безмолвие. Влюбленный тихонько подкрался к тому месту, где он уронил письмо. Увы! Оно продолжало лежать в кустах. Никто его не поднял, никому оно не было нужно... Бхоларам почувствовал острую печаль и одновременно бесконечное облегчение. Он подобрал злополучный конверт, сунул его в карман и направился к своему дому. Но тут на его беду из темноты вынырнул ночной сторож.

— Стой, кто идет?! — завопил он, преграждая путь Бхолараму.

Вместо ответа наш герой только громко икнул. И лишь когда сторож в третий или в четвертый раз повторил свой вопрос, бедняга с трудом выдавил из себя:

— Я... Бхоларам...

— О-о! Дуду! — Голос сторожа сразу смягчился. — Что ты тут делаешь в такой кромешной тьме?

— Я... Я искал вас... — растерянно пролепетал Бхоларам.

— Меня? — изумился сторож. — Зачем это?

— Мне стало страшно...

Сторож рассмеялся.

— Отправляйся-ка в постель, Дуду, и спи спокойно. Когда сторож вашего квартала бодрствует, жителям нечего бояться. Ступай домой и ложись спать. Буду проходить мимо твоего до-

ма — крикну несколько раз погромче, чтобы ты слышал.

На следующий день Бхоларам почувствовал, что любовная лихорадка вот-вот доканает его. Если он сегодня же не откроет свои чувства возлюбленной, завтра его уже не будет в живых. Бедняга пылал как в огне, его мучила зевота, все тело ломило, в горле пересохло. В этот день он не пошел обедать, а только без конца пил чай да облизывал запекшиеся губы. Лихорадка не переставала бить его.

Но когда наступил вечер, сердце нашего героя преисполнилось неизвестно откуда взявшейся решимости. Он спокойно вышел из автобуса, уверенно направился к своему кварталу, завернул за угол и оказался у дома Рампьяри. Красавица, как всегда в это время, стояла в дверях и улыбалась. Бхоларам ответил ей тем же. Она снова улыбнулась. Он еще раз послал ей улыбку и, поправив тюрбан, совсем было собрался заговорить.

Вдруг Рампьяри встрепенулась, сбежала со ступенек и торопливо прошла мимо Бхоларама. Оглянувшись, Бхоларам увидел показавшегося из-за угла мальчика с хоккейной клюшкой в руках. Рампьяри подбежала к нему, прижала его к груди и бесконечно нежным голосом сказала:

— Ты сегодня что-то запоздал, дорогой.

— Нет, мама, — ответил мальчик. — Сегодня — как и всегда. Я иду следом за Дуду. Даже на минутку не опоздал. Ведь Дуду — это мои часы, я ухожу и прихожу вместе с ним. Посмотри-ка!

И мальчик указал в сторону Бхоларама. Рам-

пьяри посмотрела, куда указывал сын, и улыбнулась.

И тут Бхоларам все понял. Он вдруг почувствовал, что во взглядах, взрастивших в его душе благоуханные цветы робкой любви и создавших из них цветник желаний, столько же любви, сколько у человека, проверяющего время, любви к башне, на верхушке которой установлены часы. Разве он, Дуду, был человеком? Нет, он был часами, по которым мать, поджидая сына, проверяла время.

Когда на другой день утром Бхоларам-Дуду вышел из дома и, как обычно, направился в контору, соседи заметили, что макушку его по-прежнему прикрывает жалкий пыльный тюрбан. Спина бедняги еще больше ссутулилась, голова еще глубже ушла в плечи, и выглядел он совсем старым.

ПРИЗРАК

Стоял барсат — сезон дождей. Шестой день лило не переставая. Сырые облака висели над землей, похожей на вымокший зеленый бархат, на котором вздувались и лопались пузыри. Дождь шумел, земля источала прелый запах. В лужах плавали лягушки. Огромная коричневая жаба выскочила из воды и запрыгала по железнодорожному полотну. Возле будки стрелочника паслась буйволица. Жаба угодила ей под копыто. Несчастье, прихоть божества, судьба — называйте как хотите, но жизнь в этот миг сменилась смертью.

До прибытия поезда оставалось еще много

времени. Ожидавший его появления случайный пассажир взял в кассе билет, раскрыл зонтик, купил горошек, съел его, прочел газету, почистил у чистильщика ботинки, почесал затылок, встал, прошелся, снова сел. Маленький пригородный полустанок был всего в девятнадцати милях от Бомбея, но сейчас это расстояние казалось пассажиру целой тысячей миль. Стрелки железнодорожных часов застыли, словно и они, несчастные, ждали поезда. Человек зевнул, посмотрел направо, налево — не видно ли где красивой женщины. Но красивых женщин здесь не было. По ржавым железным проводам расселись крикливые вороны. Сидевшая на мокрой скамейке женщина — должно быть самая некрасивая в мире — жевала жвачку из бетеля, ела земляные орехи, почесывала бедра, затем, сдоблив сухой горох луком-пореем, солью и красным перцем и смочив лимонным соком, растерла все это на жерновах своих зубов. Потом, помаргивая, погрузилась в созерцание блестящих рельсов...

А поезда все не было. Светлые рельсы вдали упирались в самое небо. Шел дождь, квакали лягушки.

Если бы пассажир пришел пятью минутами раньше, он сел бы на поезд из Борели. Но теперь ему приходилось ждать. Сейчас шесть часов. Следующий поезд прибудет без четверти семь...

Опустив зонтик, пассажир прислонил его к столбику и уселся на скамейку, которую украшала надпись: «Для женщин первого и второго класса». Но на платформе не видно было ни женщин первого, ни женщин второго класса. К

тому же на скамейках, предназначенных для мужчин, сидели женщины, а на скамьях, поставленных для женщин, — мужчины. Пассажир отметил, что вон тот мужчина ведет себя пекультурно. Но у начальника станции, должно быть, времени хватает только на то, чтобы расправлять складки своих брюк. Откуда ему знать, что происходит на платформе?.. С кривых спиц зонтика стекали капли, выводившие на земле то буквы нагари, то знаки урду*. Морда шакала, грива льва, лицо Джинны**, сигара Черчилля... Вот возникла треугольная крыша храма, которая тут же превратилась в купол мечети, затем — в башню христианской церкви и вдруг стала руинами великолепного дворца. Все эти превращения совершала вода: падая по капле, она словно рисовала письмена различных языков, символы разных культур, религий, народов. Под ручкой зонтика образовалось маленькое озерцо. Но если там, под спицами, вода была началом, то здесь, в озерке, она — конец. В ней все цивилизации, религии и люди, соединившись, стали нерасторжимой совокупностью. Удивительная вещь — вода! Индусская вода, мусульманская вода и эта вот вода с зонтика!.. А проклятого поезда все еще нет.

Чтобы из Малада доехать до Чарчгета, требуется целый час. Едва он подумал об этом, как

* На г а р и — древнеиндийское слоговое письмо, употребляемое в хинди — одной из двух литературных форм языка. Другая литературная форма — у р д у — использует арабский алфавит.

** Джинна, Мухаммед Али (1876—1948) — политический деятель Индии и Пакистана: в течение многих лет возглавлял Мусульманскую лигу.

у него заболели виски. Надо бы принять пилюли «Аспро». Но Малад — крошечный, захолустный полустанок, здесь не то что «Аспро», даже имбирного лимонада не достанешь. Он хоть пешком готов был бежать с этой станции, потому что облик ее впитал в себя всю тоску дождей барсата... Лягушки квакали, грязные вороны, сидя на ржавой проволоке, чистили перья черными клювами, грязные-прегрязные марвари* искали вшей в своих дхоти**, а возле них сидели грязные-прегрязные женщины с одинаково расчесанными на прямой пробор волосами, намазанными, словно ваксой, кокосовым маслом и с одинаковыми вплетенными в них цветами. Прямой пробор в прическах этих женщин издали напоминал железную дорогу... А поезда до сих пор нет.

В чем разница между железной дорогой и женщиной? Задав себе этот вопрос, пассажир принялся устанавливать черты сходства и различия. Рельсы лежат повсюду, проходят через многие станции, женщина может находиться лишь на одной из них. Ожидать приходится обоих — и женщину и поезд. Но радость, сопутствующая ожиданию женщины, отсутствует, когда ждешь поезд. Для того чтобы иметь право приблизиться к женщине, приходится на ней жениться, а чтобы войти в поезд, надо купить билет. Люди, которые едут без билета, считаются дурными. Будь то поезд или женщина — безбилетный пассажир в любом случае рискует

* Марвари — одна из народностей Раджастана. Ростовщиков и торговцев, выходцев из Раджастана, в Индии обычно называют марвари.

** Дхоти — набедренная повязка.

подвергнуться наказанию... О тоба, тоба *! До чего же он додумался! Его мысли перешли грань дозволенного. Придется ему купить билет семейного человека.

Он взглянул на станционные часы. Прошло десять минут. Всего только десять минут! Но за это время он пережил несколько столетий. Он прошел путь от детства до юности, от юности до старости, затем вновь вернулся в мир чудесных снов своего детства. А поезда все еще не было. Он позвал чистильщика сапог. Сунув палец в нос, тот гнусаво сказал:

— Сахиб! Да ведь я только что чистил ваши ботинки.

— Неважно. Начисти их снова до блеска, я дам тебе две аны.

Чистильщик поставил его ногу на свое колено, покрытое рваной штаниной. Штаны этого парня были когда-то цвета хаки, но сейчас выцвели и продырявились во многих местах. Ноги его были покрыты ссадинами и прыщами, ступни потрескались, из носа текло. Над ботинком угрожающе нависла капля, но — вот ведь ловкий парень! — раз шмыгнув, он приводил свой нос в порядок и быстро-быстро снова принимался тереть ботинок щеткой. А поезда не слышно. Казалось, он вообще никогда не придет.

— Развяжи шнурки, — сказал пассажир чистильщику, — сними ботинки и почисти.

Он надеялся, что на развязывание шнурков уйдет хоть сколько-нибудь времени... Почему же поезд до сих пор не приходит? Почему так мед-

* О боже. боже!

лят станционные часы? Почему все время идет дождь? Перестанет ли он когда-нибудь?.. Железнодорожная компания соорудила у скамеек для пассажиров первого и второго классов крытый черепицей навес, который защищает не только от солнца, но и от дождя. Большое спасибо ей за такую заботу, но сейчас ему нужен не навес, а поезд, который немедленно доставил бы его в Чарчгет к возлюбленной! Да, любимая ждет его в Чарчгете, а он в Маладе сидит на гнилой деревянной скамье, чистит ботинки и, глядя на сопливого чистильщика, думает о самоубийстве. Поезда нет. Возможно, произошло крушение, возможно, на полотно упал какой-нибудь столб, возможно, анархисты разобрали путь и поезд пошел под откос... Или эти часы испортились, провода сигнализации пришли в негодность, сигнал не получен, мосты снесены бурей, океан, вздымая волны, перекатывает их через поезд. Если бы ничего такого не было, поезд пришел бы давно.

Вот он сегодня радуется победе и едет в Чарчгет, где его ждет любимая в синей шелковой юбке. Сегодня она, конечно, надела тот самый голубой джемпер, который так ему нравится. (За него еще не заплачено.) В ее ушах позолоченные серьги, большие красивые серьги, прекрасные, как луна в праздничный день. В них вправлены жемчужины — «мерцающие жемчужины», «сияющие жемчужины», «блестящие жемчужины», «причудливые жемчужины»... Что это с ним? Как это он, вспоминая столь дорогой для него образ, сплел воедино серьги и заглавия базарных книг? Ведь его любимая — вовсе не базарная. Это очень славная девушка с блед-

ными щеками и в белых сандалиях. Она любит посмеяться, подурачиться и взимает дань восхищенных взглядов с тех, кто, проходя, не может не оглянуться. Очень милая, образованная девушка из хорошей семьи. И она ожидает его сейчас в Чарчгете. Но поезда до сих пор нет!

Сегодня — День Победы. Окончилась вторая мировая война. Усталый мир облегченно вздохнул. Германия и Япония, потерпев поражение, сложили оружие, а его возлюбленная надела синюю шелковую юбку, в которой ее тоненькое, хрупкое, нежное тело цветет, как свежая весна... В мир пришла весна, а он в Маладе занят чисткой своих ботинок.

Сегодня поезд не придет, и он не сможет отпраздновать победу. Не сможет разделить радость всеобщего торжества. Он не увидит огней, кружащихся над фортом, бурлящих от смеха трамваев, не услышит солдат демократии, распевających песни мира и поднимающих пиау за пиау. Он не сможет кружиться в танцевальном зале возле голубого джемпера и не сможет на шелковом песке берега Джуху целовать губы милой. Он без конца будет чистить ботинки, будет смотреть на мокрый нос этого парня, а любимая девушка, потеряв надежду дожидаться, уйдет, и смолкнет ее смех, погаснет улыбка. А лягушки в мокрой траве будут квакать и попадать под копыта равнодушных буйволиц. Вот так и сердце его раздавлено сейчас, потому что поезд не пришел... В отчаянии он закрыл глаза.

Первое, что он увидел, когда снова открыл их, была коозинка у его ног. Она была поставлена сюда только что. В ней лежала морская рыба,

толстая и плоская, крупная и мелкая, самая разнообразная. Возле корзины сидел полуголый человек. Он пил тари *, поглядывал на корзину и улыбался. Его черное лоснящееся тело было очень красиво, зубы — крепкие и белые. Он был голым выше пояса, голыми были и его ноги. Только поясицу прикрывали промокшие насквозь отрепья старого дхоти. Но разве это была одежда? Это тряпье служило лишь признаком, отличающим человека от животного. Черты его лица говорили о том, что он бхил **. Глаза глядели дико, по-звериному. На руках, упругих и гибких, претерпевших страшные насилия, вздулись жилы. Казалось, это был не житель цивилизованного мира, а великолепное дикое животное.

Рядом с бхилом сидела его жена. Она тоже была полуголой. На руках у нее был тощий, больной ребенок. Женщина настойчиво, но безуспешно пыталась накормить его, поднося к бледным губам свою красивую грудь. Женщина отчаянно плакала. Из глаз ее текли слезы, из носа текло, с губ стекала слюна. Она рыдала, как дитя, у которого отняли любимую игрушку.

Больного младенца то и дело тошнило. Он несомненно умирал. Голова его безжизненно болталась. А бхил смеялся. Глаза его были красны, и он пил тари.

У ребенка снова началась рвота. Женщина заплакала еще громче. Бхил стал ее бить. Тог-

* Т а р и — пальмовая водка.

** Б х и л ы — одна из народностей Центральной Индии, подвергавшаяся особым притеснениям в период колониального порабощения страны.

да она ударила его по голове пучком овощей. Кругом все засмеялись, засмеялся и сам бхил. Его смех был смехом сумасшедшего. Правда, сегодня День Победы, праздник Победы, сегодня мир освободился от фашизма и в каждом кафе и ресторане Индии поют радостные песни, но ведь не значит же это, что бхилу следовало бездумно потягивать тари и так смеяться!..

Голова ребенка окончательно свесилась на бок. Полуголая жена бхила краем своего рваного дхоти вытирала ему рот. Полицейский осыпал ее ругательствами за то, что она разводит грязь.

Грудь женщины была ничем не прикрыта, руки — обнажены. А на рынках и складах полки ломятся от миллионов газов* тканей! По ее рукам вилась татуировка — страшная змея. На бирже курс золота и серебра падал, но ее обнаженные руки украшали лишь деревянные кольца — нет, не золотые, не серебряные, не бронзовые и даже не медные — толстые деревянные кольца! На ее ногах красовались нарисованные кольца: у этой женщины не было драгоценностей, и ей приходилось довольствоваться их изображением...

Ребенок умер у нее на руках. А полицейский осыпал мать потоками брани. Муж женщины, охмелев от тари, поглядывал на нее и продолжал смеяться. Он был голым, его жена была голой, их смех был голым, потому что у бхила отняли его страну, его лес, его лук и стрелы. Теперь в своем шалаше он был бездомным, безоружным и ни на что не пригодным. Лес у

* Газ — мера длины, равная примерно 90 см.

него отобрали, но в город его не пустили. Древесную кору у него отняли, но он не получил и хлопковой нитки, чтобы прикрыть тело. Добычу охотника, дичь, у него отобрали, но хлеба взамен не дали. Стрел и лука он лишился, но не стал обладателем ружья. Он одинок — у него нет ни друзей, ни товарищей. В этом новом мире для него не нашлось места. Сидя на полустанке с корзиной, полной рыбы, он видел, как умер его ребенок, но не знал, что нужно делать. Он только старался забыться в опьянении.

Бхил, согнувшись, сидел у столба, голова его раскачивалась все сильнее и опускалась все ниже. Женщина с воплями била себя руками по голове. Ребенок, ее ребенок, которого все время тошнило, ушел из этого мира! Глаза его остекленели. А эта неразумная женщина пыталась всунуть свою грудь в его мертвые губы. У ее материнской любви не было ничего, кроме груди, полной молока. Что такое лекарство? Что люди называют пищей? Сливочное масло, глюкоза, витамины, инъекции против холеры — что это все за штуки? Откуда они? Где их можно достать? Все это ей было неизвестно... Что такое шелк? Что такое сандалии? Что такое уют?.. Книга?.. Знание?.. Все эти имена какой-то беды, называемой цивилизацией, — что это такое?!. Что называют сегодня победой, какая разница между фашизмом и демократией, войной и миром — об этом она тоже ничего не знала...

Неожиданно, взяв на руки мертвого ребенка, она поднялась. Ее удивленные, широко раскрытые глаза о чем-то вопрошали мир. Они что-то спрашивали у женщин с блестящими волосами,

у грязных торговцев марвари, ищущих вшей, у начальника станции, разглаживающего складки своих брюк... Но никто ей не ответил. Тогда она прикрыла глаза и, обессиленная, опустилась на землю. словно на этом грязном полустанке она увидела не людей, а каменные глыбы...

Вдалеке наконец показался поезд. Носком своего начищенного до блеска ботинка пассажир пнул охмелевшего бхила. Тот торопливо поднялся. Поезд подошел. Бхил поставил на голову корзину с рыбой, зажал под мышкой мертвого ребенка, схватил за руку плачущую жену и пошел в вагон третьего класса. Глаза его по-прежнему дико горели, на губах играла усмешка...

А случайный пассажир, усевшийся на мягком диване вагона первого класса, вдруг ощутил странное беспокойство. В его испуганное сердце вторглись сотни тысяч, десятки миллионов голых, голодных, жаждущих людей. Они располагались там, как на мягких сиденьях, и, поглядывая на пассажира, смеялись.

Что означает этот смех? Откуда это удушье — словно петля на шее? Чьи это руки протягиваются все ближе и ближе?.. Эти длинные-длинные, кривые и скрюченные, сухие и сморщенные руки? Слабые руки, дикие руки, трусливые руки, дрожащие желтые руки, черные руки, белые руки — руки, на которых следы ран, следы плетей, следы пуль?.. Руки со вздутыми синими жилами, руки, дрожащие от ужаса, длинные, грязные, с большими ногтями, руки кровоточащие, покрытые язвами, руки... на которых нет пальцев.

Все они издеваются над ним. Все они тянутся к нему. В их молчании затаен чудовищный

воплъ... В черных тенях скрыт странный гул, ужасающий гул, подобный отзвуку надвигающейся бури... Эти руки все вытягиваются и вытягиваются — ближе, еще ближе, совсем близко...

Дико вскрикнув, пассажир вскочил с дивана. Сидевший напротив английский военный, флиртовавший со своей смуглой спутницей, удивленно посмотрел на него.

— В чем дело, дорогой? Вы чего-то испугались?

— Да... испугался... — ответил тот, пугливо озираясь.

— Чего же?

— Я... только что видел... призрак!

— Призрак? В этом вагоне?!

— Да.

— Nonsense *!

— Нет!.. Я правду говорю. Это был призрак!

— Призрак чего? — спросил англичанин, играя локонами своей спутницы.

— Призрак... последней битвы... битвы рабов за право... быть людьми! — ответил пассажир, запинаясь.

Лица англичанина и его спутницы побледнели. В вагоне воцарилось молчание, тишина смерти.

А ему все казалось, что в углу вагона стоит бхил и смеется.

О ПЛЕШИ

Как бывают прирожденные дураки, так бывают и плешивые от природы. Я принадлежу к последним, хотя некоторые злопыхатели уверя-

* Глупость, нелепость (англ.).

ют, что мне отведено место в обеих группах. Что бы ни говорили, но я плешив, был плешивым и останусь таким до конца дней моих. Ведь плешивость — на редкость постоянный фактор: недостаток сменяется нуждой, богатство — бедностью, друзья обращаются в недругов, но плешь остается с человеком всю жизнь. Самый последний развратник может стать праведником, самый бездарный — гением, но плешивому уже никогда не сделаться счастливым обладателем пышной шевелюры. Плешь, как и смерть, подчиняется лишь закону времени.

На базарах продаются сотни лекарств, гарантирующих избавление от этой беды. Газеты переполнены объявлениями, превозносящими всевозможные патентованные средства для ращения волос. Я убедился, что все средства эти безусловно заслуживают тех славословий, которые им расточают. При помощи этих снадобий можно вырастить волосы даже на крутом яйце, они обратят в густые кудри зубья вашей расчески, но способствовать ращению волос на плеши они не могут. Увы, друзья мои! Мои плешивые друзья! Лысина пребудет с нами вечно!

Я привык к своей плеши, как кривой привыкает видеть одним глазом. Но людей моя голая макушка почему-то беспокоит. Ближний всегда сердоболен: ни на мгновение он не дает нам забыть о наших недостатках. У меня есть друг — джанаб * Рам Гурмани, седовласый муж, лет на пятнадцать старше меня. Сын его вот-вот получит диплом бакалавра искусств. И этот-то убежденный сединами господин с издевкой величает

* Д ж а н а б — господин.

меня своим старшим братом! Другой мой знакомый, джанаб Толе Табрари, страдающий жестокой одышкой, зовет меня не иначе, как «старикан». А когда я обижаюсь, он норовит подсластить пилюлю: «Полно, брат, не сердись! Я зову тебя так только потому, что отдаю должное твоей мудрости!» И почему только эти люди ставят ум в зависимость от наличия лысины — понятия не имею! Обычно считают, что разум прибавляется пропорционально уменьшению волос на голове. К моменту выпадения последнего волоса человек достигает вершины зрелости. Не берусь судить, насколько правомерна такая зависимость, однако знаю, что пандиты*, маулави** и нищенствующие монахи бреют себе макушки именно из этих соображений; мне приходилось встречать людей, которые даже гордились своей лысиной.

Так как я сам принадлежу к славной корорте плешивых, мне, конечно, льстит связь, установленная людьми между умом и голой, как коленка, макушкой. Факт остается фактом — среди господ плешивых вы не встретите дурака. Несчастливых же — сколько угодно.

Теперь я могу поделиться с вами: именно из-за своей плеши я до сих пор веду жизнь холостяка.

Кто знает, почему женщины так ненавидят нас, лысых? Это тайна всевышнего. У вас мужественное, красивое лицо, вы счастливый обладатель автомобиля, квартиры, крупного сче-

* П а н д и т — почетный титул ученого, преподавшего школу индийской классической науки.

** М у л а в и — почетный титул ученого, преподавшего школу мусульманской классической науки.

та в банке. Но если, к несчастью, вы лысы, женщина скорее согласится выйти замуж за вашего шофера, чем за вас.

Вначале все это как-то не укладывалось в моей голове. Я был молод, обуреваем соблазнами жизни, а потому беспечен. Но когда в недалеком будущем передо мной замаячила солидная цифра — тридцать восемь лет, я встревожился. Родители мои не раз сватали мне невест, но попытки эти неизменно оказывались безуспешными. Бедные старики горестно перешептывались и поглядывали на меня так, словно я сгорал в последней стадии чахотки.

Потом родители умерли, и мне пришлось самому взяться за дело. Вначале все шло гладко: я познакомился с девушкой, стал ухаживать, она проявляла ответное внимание. Постепенно мой интерес к ней перерос в чувство более теплое, чопорное «вы» уступило место дружескому «ты», а последнее сменилось нежным «дорогая». Но день, когда я снял шляпу — а когда-то надо было ее снять, потому что лысину, как и любовь, сколько ни прячь — не скроешь, — этот роковой день положил конец моим брачным домогательствам: девушка самым бесцеремонным образом показала мне спину. Больше мы не встречались. Вскоре до меня дошли слухи, что жестокая вышла замуж за какого-то жалкого издателя третьесортной газетенки. Человек этот не обладает ни моей красотой, ни моим состоянием, не занимает, как я, крупного поста на государственной службе, но голову его украшает буйная поросль волос...

Я встречал немало женщин, у которых при одном упоминании о мужской шевелюре голова

шла кругом: «Послушай-ка, подружка, какого красавца я встретила вчера на выставке! Какие у него чудесные волосы! Черные, густые, длинные, курчавые! Так и тянет положить голову на плечо этому мужчине и забыть все на свете!..» Кажется, верхом блаженства для такой женщины было бы выйти замуж не за человека, а за гориллу или орангутанга.

Все это привело к тому, что обладатели пышных причесок стали чересчур зазнаваться. У меня в Бомбее есть один приятель. Ростом он чуть побольше крысы, и физиономия у него смахивает на крысиную морду, и по улицам он крадется, словно крыса. Но девицы так и льнут к нему, так и тают! Как же — ведь у него пышные волосы...

Что и говорить, волосы у этого бомбейца и впрямь так густы, что даже в летний зной солнечные лучи не добираются до его макушки, а во время сезона дождей ветер лишь скользит по поверхности его прически. Вместо гребня этот сахиб пользуется половой щеткой, вместо масла для волос употребляет вазелин — маслом такую копну не сдержишь.

Однажды парикмахер запустил в его шевелюру ножницы и позабыл об этом. Искал их везде, но так и не нашел. Заподозрив клиента, он потащил беднягу в полицейский участок. Там его обыскали, однако ножниц не оказалось. Вернувшись домой, этот герой сунул руку в свои вихры и, ничуть не удивившись, вытащил из них ножницы. Да, да, они и по сей день лежат у него на столе!

До сих пор еще не установлено, что за животный мир населяет джунгли, разросшиеся у него

на төмени. Некоторые храбрые парикмахеры пытались было покорить эту недоступную вершину, да куда там! Для такого подвига нужен новый Тенсинг*.

Мой бомбеец трижды был женат, сейчас подумывает о четвертой жене (или она о нем подумывает?..). А я, увы, до сих пор холост!

Другой мой знакомый — тоже, черт возьми, бомбеец! — известный поэт. Его волосы хоть и не выются, но так черны и блестящи, что любо глядеть. Этот господин норовит годами не стричься. Когда же, вняв воплям супруги, он все-таки обращается к парикмахеру, то говорит с ним таким жалобным, испуганным голосом, словно готовится к сложнейшей хирургической операции.

Во время мушар, состязаний поэтов, прочитав одно стихотворение и вспоминая другое, он обычно накручивает волосы на палец. Создает впечатление, что двустипшие застряло у него не в мозгу, а в волосах. Женщины боготворят его. Однако я до сих пор не могу понять, в чем тайна его обаяния — в стихах или в волосах. Если бы он был лысым, такой вопрос и не возник бы.

Мужчины и женщины — все человечество охвачено волосяной лихорадкой. Хотя наш век — совсем не век изобилия волос: моды к нам, как известно, приходят с Запада, а там, к счастью, привился вкус к короткой стрижке. На мой взгляд, в этом и заключается прогрессивная роль Запада, поэтому-то Европа и опережает нас во всем. Однако кто знает, когда наши восточные

* Тенсинг — альпинист, покоритель Эвереста.

женщины возьмутся за ум! До сих пор любая норовит отрастить волосы хотя бы до пояса и распустить косу, подобно павлиньему хвосту. Прежде такое обилие растительности можно было встретить только в поэзии, теперь вы можете любоваться подобными красотами на каждом перекрестке. У меня зародилось сомнение в естественности этой флоры. Подозреваю, что длинные косы женщин отнюдь не сотворены природой. Если с пышной женской прически снять искусственные напластования, из них может получиться неплохой зимний свитер. Можно было бы даже создать новую отрасль промышленности и этим помочь нашему пятилетнему плану!

Я человек деловой и не признаю никаких излишеств. Ну, женщины — еще понятно: они испокон века нацепляли на себя всякие побрякушки. Но мужчины! Им-то для чего длинные кудри? Вот лысина — совсем другое дело. Спросите у меня о преимуществах, которые дает лысина... Да что там — у меня! Спросите у любого обладателя плеши, и увидите, что все мы исповедуем одну веру.

Главное преимущество лысых в том, что все они — ходячие барометры. Служащий бюро прогнозов еще может ошибиться в сводке, лысый же — никогда! Голая макушка помогает ему уловить самые тонкие нюансы погоды. Будь то холод или жара, приближение весны или сезона дождей, первый луч солнца или микроскопическая капля влаги — лысина почувствует все.

Теперь представьте себе, что вы, молодой человек, попали в общество почтенных старцев. С первых же слов они так уничтожающе глянут

на вас, заведут такие речи, что вы поспешите убраться от них подобру-поздорову. Но если вашу голову украшает лысина, такой конфуз никогда не произойдет. Лысина откроет вам все двери. Достаточно лишь наклонить голову настолько, чтобы общество могло разглядеть вашу макушку, и вы всюду почувствуете себя не только равным другим, но даже ощутите некоторое превосходство. А если к тому же вы оброните какую-нибудь мудрую фразу, хотя бы и позаимствованную из книги Платона об Аристотеле, ваши убежденные седины собеседники падут пред вами ниц, даже не дав себе труда разобратся, что вы хотели сказать. Они начнут бегать за вами, как собачонки. И все это благодаря несравненному дару — лысине!

Кроме того, кто не знает, что во время завтрака о лысую голову очень удобно бить яйца? Мне встречались даже такие мастера, которые кололи о свою лысину миндаль и грецкие орехи. Известно, что борцы предпочитают брить череп, чтобы противник не мог ухватить их за волосы. Как видите, плешь имеет преимущества не только морального, но и физического характера.

Да разве все перечислишь?! Несравненные удобства лысины познаются лишь на опыте. Лысейте смело, друзья, и судьба на каждом шагу начнет преподносить вам приятные сюрпризы. Упомяну об одном случае из моей богатой событиями жизни.

Однажды я и мой друг, писатель Ходжа Ахмад Аббас, ехали на одну писательскую конференцию. Сидим мы в купе, разговариваем; он пытается печатать на машинке, я мешаю ему своей болтовней. Незаметно подкрался вечер, а

с ним и конец нашего пути. Следовало побриться, помыться и переодеться. Я достаю свой бритвенный прибор и обнаруживаю, что не захватил с собой зеркала. Спрашиваю у Аббаса — и у него нет зеркала. Бегу в умывальную — зеркало на стене разбито! Что делать?!

И вдруг меня осенило:

— А ну-ка, иди сюда! — говорю я приятелю.

Тот ничего не понимает, но покорно подходит. Я начинаю вертеть его голову до тех пор, пока мне не удастся поместить его лысину под нужным углом. И, глядясь в нее, я великолепно побрился, а потом оказал ту же услугу Аббасу. Тогда-то мы и убедились в неоспоримом преимуществе плешивых перед густоволосыми.

Да разве обо всем расскажешь?! Со временем каждая радость, которую может даровать лысина, так или иначе откроется.

Но, друзья, какие бы привилегии ни давала плешь, факт остается фактом: лысый, пока он лыс, ни за что не сумеет жениться, хоть наизнанку вывернись. А лысина, как я уже успел заметить, явление отнюдь не преходящее. Все на свете имеет свойство со временем либо уменьшаться, либо увеличиваться. Лысина только увеличивается. На первом году своего существования она не больше ашрафи*, на следующий год она вырастает до размера браслета от наручников, а через три года ею можно заслонить луну. Никакие лекарства не могут изменить вашей судьбы...

...И врачевателя искусная рука

Лишь иссушает немощное тело...

* А ш р а ф и — старинная золотая монета.

Что ни говори, а лысина и брак всегда зависят друг от друга: одни люди из-за лысины не женятся, другие из-за женитьбы лысеют.

Да, ведь я начал рассказывать, как получилось, что я остался холостым.

Когда я уже достиг солидного возраста, а на брак все еще не было никаких надежд, я встретился и отправился к знахарю.

Знахарь был человек ученый. Он внимательно выслушал мой горестный рассказ и, ласково похлопав меня по плечу, объявил:

— Весьма сожалею, друг мой, но ничем не могу быть тебе полезен: у меня нет амулетов, которые помогали бы плешивым в брачных делах. Тут и колдовство бессильно — женщины о вас, лысых, слышать не желают.

— Помоги же мне, о прекраснейший из прекрасных! — взмолился я. — Укажи мне путь к браку!

— Отправляйся-ка ты, сынок, прямехонько в редакцию газеты «Таймс оф Индия», — посоветовал он, — и дай объявление: хочу мол вступить в брак. С вдовой. Возраст, внешность, состояние — все это безразлично. Не ставь никаких условий, полностью положишься на бога. Люди лукавы, а милость всевышнего неисповедима!

Знахарь умолк, смежил веки и погрузился в размышления. Я благодарно склонился к его ногам и только было собрался тихо выйти, как услышал:

— Заплати пять рупий и можешь идти.

Рука знахаря была протянута ко мне.

В ответ на мое объявление посыпались заманчивые предложения. Я насчитал их около двух-

сот и возликовал. Однако радость моя была преждевременна.

Как я успел заметить, нынешняя молодежь норовит вступить в брак не по любви и не по выбору родителей, а по объявлениям в газетах. Вначале обе стороны вступают в оживленную переписку. Выясняют касту, наличие родни, род занятий, заработок и счет в банке — словом, согласовывают все пункты, будто утверждают пятилетний план. Кажется, что молодые люди собираются не жениться, а покупать холодильник... Когда деловая сторона улажена, назначают день бракосочетания, и лишь тут невеста знакомится со своим повелителем.

Мне думается, что если жизнь будет развиваться в том же направлении, то вскоре и свадебный обряд канет в вечность. Все упростится до крайности: жених дает объявление в газете, по почте выясняет деловые вопросы, а затем отправляет заказ, по которому жена доставляется к нему на дом, аккуратно упакованная в ящике. И все...

А в общем не знаю, к тому ли идет жизнь, уверен только, что такой беды, какая стряслась со мной, еще ни с кем не случилось.

Я обдумал все весьма тщательно. Прежде всего, решил я, моя невеста как девушка передовая должна носить короткую стрижку. Вначале она, конечно, будет шокирована моей плешью, но скоро привыкнет: тот, кто способен мириться с недостаточным количеством волос у себя, примирится в конце концов и с полным их отсутствием у супруга.

Итак, я остановил свой выбор на мисс Барудвале. Волосы коротко острижены, лицо прелест-

но, единственная дочь состоятельных родителей: после их смерти мне достанется тысяч двадцать. Словом, я послал предложение мисс Барудвале. Стать мужем очаровательной женщины, наследовать солидный капитал — чего еще может желать человек?

Брачный контракт оформили в муниципалитете, религиозных церемоний решили избежать — слишком много в них ненужной суеты: жениху то и дело надо снимать тюрбан, мало ли что при этом может произойти!

На свадьбе я щеголял в великолепном парике, выписанном из Голливуда; черные блестящие волосы сзади были завиты в крупные локоны. Когда я надевал его, лысина, казалось, существует только в моем воображении. Я рассчитывал, что в течение двух-трех дней обман не обнаружится...

В первую брачную ночь, в ночь ласк и открытий, моя новоявленная половинка, нежно обняв меня за шею и гладя мой парик, умильно ворковала:

— Как ты прекрасен, darling! Как прекрасны эти волосы, завивающиеся в кольца!

Я молчал. Что я мог ответить?

Излив на меня положенную порцию нежностей, она вдруг сказала:

— Хочешь, я открою тебе одну маленькую тайну?

— Хочу.

— Дело в том, что я вовсе не богатая. Господин Барудвала мне не отец, а только дядя. Выброси из головы эти двадцать тысяч — нам с тобой не видать их как своих ушей. Все это получают родные дети господина Барудвалы.

Выпалить подобное признание единым духом! У меня было такое ощущение, будто кто-то поднял меня на высоту седьмого этажа, а потом отпустил — бряк! Ловкую же штуку сыграли со мной, ничего не скажешь! И моя жена сообщает мне об этом вопиющем обмане с самой невинной миной, словно не произошло ничего особенного...

— Я еще раньше хотела тебе во всем признаться, — продолжала она, — но когда увидела твою фотографию, у меня язык не повернулся... Ах! Какие чудесные шелковистые волосы! У кого еще найдутся такие?

С каким бы наслаждением я задушил эту негодницу! Нет, ее надо хорошенько проучить!

Любовно простирая к ней руки, а сказал:

— Выслушай же и мое признание, darling!

— Говори, душа моя, — отозвалась она, целуя мою голову.

Я освободился из ее объятий и сорвал с себя парик.

— Взгляни на меня, darling! Я тоже сыграл с тобой невинную шутку, — как видишь, я совершенно лыс.

Вот когда я почувствовал себя отмытым!

Взглянув на мою лысину, она окаменела. Казалось, она потеряла способность мыслить. Потом я увидел, что она вся трясется в припадке беззвучного хохота. Сильнее, еще сильнее, еще...

Это еще что за комедия? Мне стало как-то не по себе.

— Неужели тебе так смешно? — взмолился я. — Ну, я немного лыс... Но ведь на свете тысячи таких людей...

— Конечно, darling... — простонала она, вытирая навернувшиеся слезы. — Но... Ох, я умру от смеха!..

И она снова расхохоталась.

Тогда меня обуяла слепая ярость. Общими руками вцепился я в плечи своей супруги и принялся ее трясти.

— В чем дело? — кричал я. — В чем дело? Что ты нашла во мне смешного?

Я тряс ее все сильнее и сильнее. И вдруг — о ужас! Волосы ее сползли с головы и упали к моим ногам... Моя жена оказалась совершенно лысой.

ДЖАРА И ДЖАРИ

Джара и Джари были из деревни Чханджал, расположенной в горном районе Пунча, как раз на дороге, ведущей к Алибад-Рори. Здесь кончается одна горная цепь и начинается другая. В разделяющем их узком, глубоком ущелье бешеная горная река ревет, стучит камнями, швыряется обломками деревьев, а затем щедро выплескивает свои воды в долину Пунча. Через шумную реку был перекинут деревянный мост. По обе стороны реки и раскинулась деревня Чханджал. Там, где течет вода, зеленеют обычно рисовые поля, ютятся хижины крестьян. Это мир, в котором царят плуги мужчин, любовь женщин, звонкий смех детей, мир, в котором земля, вода и любовь сливаются в одно целое, и это сочетание прекрасно своим гармоническим единством.

Жизнь Джары и Джари протекала в полном

соответствии с законами этого мира. Водяная мельница Джары стояла по одну сторону реки. Там, в маленьком домике, и жил молодой мельник со стариками родителями. По другую сторону реки Джари пасла отцовский скот. Деревянный мост соединял обе половины деревни; путники и проводники караванов, шедшие из Пунча в Алибад-Рори, благословляли этот славный, широкий мост. Каждый вечер по обеим его сторонам останавливались на ночлег караваны и шумными таборами располагались у воды. Проезжие мололи на мельнице зерно, покупали у отца Джари молоко коров и буйволиц. Поставив на голову кувшин с молоком, Джари направлялась к путникам, остановившимся на другом берегу реки, потом снова шла через мост, возвращаясь домой. По несколько раз в день проходила она мимо дома Джары. Мельник же с утра до вечера разносил в огромных мехах муку для проезжих. Молодые люди часто встречались, всякий раз приветливо улыбаясь, и только. Ведь видеться — еще не значит знать друг друга.

Джара и Джари были самыми обыкновенными людьми. Ни в лице, ни во взгляде, ни в походке смуглянки Джари не было ничего особенного. Целыми днями, с утра и до ночи, она пасла отцовское стадо: овец, коз, коров и буйволиц. В полдень она пригоняла своих питомцев к большой чинаре, росшей на берегу реки, удобно устраивалась в прохладной тени и, обняв какого-нибудь козленка или барашка, мирно засыпала, а если сон не приходил, запевала песню. Она пела те же песни, которые днем и вечером можно услышать от многих женщин-горянок.

Еще задолго до Джари эти песни напевала ее мать, которая переняла их от своей матери... Джари в них ни слова не добавила. Они древни, как горы, привычны, как клочок родного поля. Джара слышал их из уст сотен девушек. И как ни были они хороши, ничем особенным не отличались. Да и сам Джара — разве он был похож на Юсуфа? * Грубое, словно вытесанное топором лицо, смуглая кожа... К тому же эта дурацкая привычка смеяться без причины... Руки у Джары были огромные, широкие, будто сплюснутые, ноги поросли густой жесткой шерстью; ходил он вразвалку, словно утка. Ему ничего не стоило перетащить через мост мех с мукой весом в полтора мана **. Но и это не было его исключительным качеством: тысячи горцев переносят и не такие тяжести. Поэтому Джари и в голову не приходило, что в мельнике есть что-то особенное. Нет, ничем он не отличался от других.

Но вот однажды утром с девушкой произошло нечто необычайное. Ведь рано или поздно в жизни самого заурядного человека наступает утро чудес. Правда, началось это утро точно так же, как и многие другие. Та же была деревня, тот же дом. Из хлева, как всегда, доносилось мычание скота... На рассвете Джари вскочила с постели, привычным движением сунула руку в мех и обнаружила, что в доме нет ни горсти муки. Тогда она насыпала в другой мех кукурузы и, несмотря на ранний час, собралась идти

* Юсуф — традиционный поэтический образ красивого юноши.

** Ман — мера веса, около 40 кг.

на мельницу. Что еще ей оставалось делать? Ведь если бы она сначала занялась скотом, когда же поспел бы завтрак? Покосившись на спящего отца, девушка на цыпочках выскользнула за дверь и побежала к мосту.

Занималось утро, самое обычное, точь-в-точь такое же, как сотни, тысячи и десятки тысяч других утр. Как и всегда, незаметно рассеивался предутренний сумрак, такой же, как всегда, была знакомая дорога, так же шуршала река, как обычно, влажными от росы были доски моста. Некоторые из них — двадцать вторая, двадцать седьмая и за ней все до тридцатой, — видимо, расшатались и при каждом шаге угрожающе прогибались. Девушке всегда казалось, что еще миг — и она упадет в реку. Но кто знает, с каких пор шатались эти доски, а никогда еще никто не проваливался.

Вначале Джари считала доски и на шатающиеся ступала осторожно, потом ноги сами стали пружинить — на них подействовала зыбкость дерева. Но Джари и не почувствовала перемены в походке, ведь это утро было таким же, как и другие, и все-все оставалось по-старому.

Девушка миновала мост и подошла к мельнице. И тут она увидела, что мельница не работает. Открыв постав, Джара старательно постукивал внутри молотком. Услышав шаги, он поднял глаза и сразу же снова углубился в работу.

— Мне бы кукурузу смолоть... — заикнулась Джари.

— Ну и что?

— Пusti мельницу.

— Как же, пушу! Не видишь разве, что я точу зубцы? Подожди немного.

— Но я не могу ждать... Мне надо скорее...

— Все вы вечно твердите одно и то же! — перебил ее Джара. — Хотя бы раз кто-нибудь сказал: «Время терпит, не спеши, друг, успеешь намолоть мне муки...»

И довольный столь ловким ответом, Джара прыснул.

— Ты смеешься надо мной! — с досадой заметила девушка.

— Да что ты! Это у меня привычка такая — смеяться без причины. Разве ты не знала? — И парень расхохотался еще громче.

У Джари в глазах потемнело от гнева, но пришлось смолчать: как ни сердись, а зерно смолоть все равно надо — другой мельницы поблизости нет.

Джара спокойно продолжал постукивать молотком. Удары, сливаясь с шумом воды, глухо отдавались в ушах Джари.

— Когда же я вернусь с мукой? — не выдержав, взмолилась девушка. Теперь ее голос звучал более решительно, в нем ясно слышались нетерпеливые нотки. — Когда я испеку хлеб? Когда погоню пастись скот? Соседи небось уже давно выгнали свою скотину...

Воинственный тон и почти детский голосок... Джаре вдруг стало жаль девушку. Он отложил молоток и стал протирать жернова, чтобы в муку не попали мелкие камушки, а Джари усердно помогала мельнику. Вскоре порядок был наведен, оставалось лишь повернуть верхний жернов и поставить его на нижний. Джари и тут вызвалась помогать.

— Отойди, я сам все сделаю, — сказал мельник.

— Я же хочу помочь...

— Ну ладно, тогда поддержи-ка вот тут.

Как пушинку, подхватил мельник тяжеленный жернов и поставил его на нижний. Но тут раздался пронзительный вопль.

— Что... что случилось? — испуганно вскрикнул парень.

— Палец!

Мгновение — и жернов был снова поднят. Но палец девушки уже был раздавлен, из него ручьем текла кровь.

— Я же тебе говорил, чтобы ты не совалась к жернову! — сердито проворчал Джари.

Девушка заплакала.

— Ну вот, теперь реветь! Только на это вы, женщины, и способны! — И мельник повел Джари к воде.

За мельницей, у самого колеса, там, где, образуя водопад, с шумом падала река, воздух был густо напоен ароматами трав.

Сначала обонянием Джари завладел дикий анис, потом все перебил острый запах цветов дурмана. Когда мельник опустил окровавленную руку Джари в ледяную воду, девушку охватила вдруг совсем новая, неведомая ранее волна запахов: в них были и сладость, и торечь, они пьянили и навевали покой... Впервые в жизни Джари ощущала столь сладостное благоухание. Веки девушки сомкнулись, голова закружилась, она и не заметила, как мельник смыл с ее руки кровь, наложил на рану какой-то корень и, оторвав от своей рубашки лоскут, перевязал палец.

Очнувшись, Джари почувствовала, что голова ее лежит на плече мельника, а тот пальцами

стирает с ее лица слезы и нежным, каким-то золотистым голосом шепчет:

— Джари... О Джари!..

Джари выпрямилась, поглядела на свой завязанный палец, медленно перевела взор на Джару, затем на вздымавшиеся вокруг деревни горы. Лишь сейчас девушка вдруг заметила, что эти привычные горы покрыты буйной порослью деревьев, трав и виноградных лоз, среди которых приютились гнезда диких пчел, и над благоуханными сотами, низко склонившись, тихо дышит синее небо... Изумленная и потрясенная, Джари огляделась вокруг и вдруг поняла, что это утро было совсем не похожим на сотни и тысячи других утр. Оно было каким-то особенным, новым, нежным и прекрасным, как радуга, ясным, сиявшим самыми праздничными красками — первым утром ее жизни. И в то же время это был обычный ранний час утренней поры. Та же была река, то же солнце... Девушка снова вскинула глаза на стоявшего возле нее парня и вздрогнула: она поняла, что новое утро принесло не солнце — его принес Человек.

Он сказал:

— Пойдем намелем муки.

*

*

*

Существует ли на свете вещь, которая из новой со временем не превратилась бы в старую? Прошли дни, и толки о Джаре и Джари устарели. А было время, когда почтенные люди деревни только ими и были заняты, когда их судьба волновала всю окрестную молодежь. Но, после

того как родители Джары и Джари договорились о свадьбе, любовь этой пары перестала быть выдающимся событием. Осенью она закончится свадьбой — так, как это и должно быть.

Но нет, история Джары и Джари на этом не кончилась, она только началась. Отец Джари запретил ей ходить на мельницу, так как по обычаю тех мест девушка могла войти в дом жениха лишь после свадьбы. А если случай все же сталкивал ее с Джарой, Джари торопливо натягивала на лицо покрывало.

Теперь молодых людей разделяла река. Вечерами Джара простаивал у двери своей мельницы, не спуская глаз с долины, со своей невесты, бродившей там со стадом. Он смотрел... смотрел до тех пор, пока на щеках Джари не вспыхивал стыдливый румянец и она не спешила натянуть на лицо покрывало — это на таком-то расстоянии! Затем она с особым рвением принималась сгонять скот. А жених запевал влюбленным голосом:

С луноликой река разделяет меня...

И звонко смеялся... А люди — люди понимали его: если не теперь, то когда же и посмеяться?

*

*

*

Наконец пришла долгожданная осень! Кроны чинар покрыл багрянец, в домах Джары и Джари зазвучали свадебные песни. Женщины из обеих семей то и дело бегали через мост — ведь они должны были позаботиться обо всех обря-

дах, связанных с заключением брачного союза. Им надо было побывать и у ювелира, дом которого находился на правом берегу реки, и у портного, проживавшего на левом берегу, и на могиле святого Маджхи, и в мечети муллы Ибрахи-ма, тоже расположенных на противоположных берегах.

Горные дороги круты и не всегда проходимы. Поэтому родственники жениха и невесты собрались в Чханджал задолго до свадьбы, а тот, кто не пришел заранее, должен был подойти хотя бы за четыре дня до торжества, так как на этот день назначено было чтение молитвы на могиле святого Маджхи.

И вот день этот наступил. Джара с корзиной на голове бродил по деревне, оделял друзей и родственников печеньем, принимал благословения стариков и приглашал всех на свадьбу. Ему приходилось то подниматься по склонам гор, то спускаться в долину, от усталости он еле стоял на ногах, но все же чувствовал себя бесконечно счастливым. Несколько раз он проходил мимо усадьбы будущего свекра, замечал озорные взгляды подружек невесты, слышал их насмешки и шутливую брань, предназначавшиеся ему как жениху, но и не думал обижаться.

Вдруг Джара вспомнил, что с завтрашнего дня и до самой свадьбы он не сможет даже подойти к дому невесты — он войдет туда только в день бракосочетания, когда голову его будет украшать свадебный венок. И юноша решил сегодня подольше повертеться возле дома, каждый уголок которого стал для него священным. Даже не видя Джари, он постоянно ощущал ее где-то здесь, совсем рядом...

Когда Джара стоял у дверей мельницы, раздумывая обо всем этом, с другого берега прибежал его друг Дилавар. Он сообщил, что процессия женщин вместе с невестой скоро направится на могилу святого Маджхи, чтобы совершить обряд возжигания светильника. Женщины обязательно пройдут здесь, так как могила святого расположена возле моста и путь к ней лежит мимо мельницы. От радости Джара кинулся на шею другу. Вместе они стали ожидать процессию.

Ждать им пришлось долго. Лишь когда стали сгущаться вечерние сумерки, друзья увидели на противоположном берегу длинную вереницу женщин, медленно спускавшихся с горного хребта. До друзей донеслась песня, она вздымалась ввысь к горным уступам, и эхо возвращало ее в долину. Процессия была еще далеко, но и на таком расстоянии Джара разглядел гранатовые шальвары и рубашку невесты. Сердце его забило часто, взгляд впился в медленно приближающееся шествие.

Вдруг в небе показались два самолета, долину наполнил оглушительный рев. Джара и Дилавар, никогда прежде не видевшие самолетов, приняли их за небесное знамение. В ужасе повалились они ничком на землю и стали громко звать к Аллаху. В это время долину потряс взрыв, за ним последовал другой, третий, четвертый... И тут середина моста взлетела вверх, а затем рухнула в воду. К небу взметнулся столб воды, земля содрогнулась...

Спустя некоторое время гул самолетов утих, и воцарилась тишина.

Прошло немало времени, прежде чем Джара

открыл глаза и взглянул на противоположный берег. Перепуганные женщины все еще лежали на скалах. Но вот одна из них поднялась, за ней другая, третья... Легко, словно лани, перепрыгивая с камня на камень, женщины побежали к деревне. Джара, размахивая руками, помчался к мосту.

— Джари! О Джари!.. Где ты? — кричал он, и эхо разносило его крик по долине.

Добежать до любимой Джара не смог, так как мост рухнул. Связь между обеими половинами деревни оборвалась.

Спустя несколько часов с севера к деревне подошел отряд пакистанских стрелков. Майор Абдул Азиз, командир отряда, устроил на мельнице Джары наблюдательный пункт. Всю ночь над рекой жужжали пули, стрекотали пулеметы...

Когда же наступило утро, Джара увидел, что часть деревни, находившаяся за мостом, отрезана: по обоим берегам реки стояли войска двух враждебных государств — Индии и Пакистана.

Джара ничего не смыслил в политике, но очень хорошо понимал, что такое день свадьбы, да не чьей-нибудь, а его собственной. Он представления не имел о том, что послужило поводом для прихода войск, он знал только одно — из-за этого откладывается свадьба. Джара сердился, отчаивался. Но что он мог сделать? Что мог сделать бедняк, ничего не знавший и всего боявшийся? Два дня он таил ото всех свое горе и молча сносил муки неизвестности. Но тревога взяла верх и он сумел уговорить караульных пропустить его к майору Азизу.

Майор Абдул Азиз был красивый и, видимо, образованный молодой человек. Заметив Джару, он подозвал его к себе и добродушно спросил:

— Кто ты такой?

— Я — Джара.

— Джара? А ты знаешь, что значит «джара»?

— «Джара» — это «маленький человек»...

— Какой же ты маленький? Вон ты какой здоровяк! — Майор Азиз рассмеялся. — Ну хорошо, что же тебе нужно? — спросил он немного погодя.

— Господин... — заикаясь начал Джара. — Господин... завтра моя свадьба...

— Так ты пришел пригласить меня на свадьбу? Обязательно приду, брат! Где же будет твоя свадьба?

— Там... — Джара указал на противоположный берег.

Майор изумленно взглянул на него и расхохотался:

— Ох, дурачина! Разве ты не видишь, что мост разрушен? О какой свадьбе может идти речь?

— Но она ведь на завтра назначена — моя свадьба!.. — в отчаянии проговорил Джара. Он не мог понять, что за недобрая сила мешает его счастью. — Разве нельзя починить мост? Ведь он разрушен только посередине. Если бы господин разрешил...

— Не мели ерунды, болван! Скажешь тоже — починить мост! Да они выставили возле него часовых именно для того, чтобы мешать починке. Если бы не пролом, разве бы мы сейчас сидели на этой мельнице и слушали твои дурацкие рос-

сказни о свадьбе? О, мы были бы далеко, в самом Пунче!

Майор махнул рукой на дверь, давая понять Джаре, что он может убираться вон.

Понутив голову, мельник вышел. Его взгляд был устремлен на противоположный берег — где-то там, вдали, жила его Джари... И на завтра была назначена их свадьба...

В свадебную ночь в доме Джари стояла мертвая тишина. Отец молча сидел на постели; родственники разбрелись по домам... Джари тихо плакала на своем одиноком ложе. Изредка раздавался далекий выстрел, слышался свист пролетающей поблизости пули, и снова все погружалось в тишину.

Наконец Джари поднялась, на цыпочках выскользнула из дому и стала спускаться к реке. Чуть слышно ступая, то и дело замирая в тени скал, она добралась до берега. Второпях она не захватила с собой даже пустого меха, чтобы легче было переплыть реку. Но для девушки сейчас не существовало никаких преград — она бросилась в воду и поплыла. Если ее любимый не может прийти к ней — что ж, она сама доберется до него. Пусть разрушен мост, пусть коварные волны то тянут ее на дно, то швыряют о камни, — она хоть и медленно, но плывет... Плывет все дальше и дальше... Руки и ноги у нее разбиты, колени и щиколотки кровоточат, но все это неважно. Сегодня свадебная ночь, и долг жены быть там, где находится ее муж,

Мулла Ибрахим ждет их, чтобы прочесть брачную молитву... Разве может сегодня что-нибудь удержать Джари? Даже река, такая бурная и опасная, не смогла преградить ей путь... Сотни раз приходилось девушке плавать в этих волнах, сотни раз спасала она тонущих овец и коз. Неужели же сегодня эти воды помешают ей попасть на собственную свадьбу? Правда, ночь так темна, а горная река коварна... Но что из этого? На душе у Джари светло и спокойно. Воля ее тверда.

И Джари добралась до другого берега! Все тело ее болело, кости ныли, зубы от холода выбивали дробь... Но, собрав последние силы, девушка двинулась в путь. Вдруг из-под ног у нее выскользнул тяжелый камень и с шумом полетел вниз. Джари еле удержалась, чтобы не упасть.

— Стой! Кто идет? — донесся сверху окрик.

Джари приникла к камням и замерла. Она лежала не шелохнувшись до тех пор, пока не почувствовала, что силы оставляют ее. Бедняга так зачленела, что пролежи она еще хоть немного на этих камнях, она умерла бы. С трудом разогнувшись, Джари попыталась встать. Но в тот же миг пуля пробила ей ладонь. Девушка вскрикнула и потеряла сознание.

*

*

*

Когда Джари открыла глаза, она увидела вокруг себя плотное кольцо солдат. Заметив, что девушка пришла в себя, солдаты потащили ее к майору.

— Это ты ночью переплыла реку? — накинулся на нее Абдул Азиз.

Джари утвердительно кивнула.

— Ты шпион Индии?

— А что такое шпион? — недоуменно спросила девушка.

— Не прикидывайся дуручкой! — сердито оборвал ее майор. — Ты прекрасно знаешь, что со шпионами разговор короткий: пуля в лоб, и все!

— Но я ни в чем не виновата!.. Я переплыла реку, потому что мост сломан...

— А зачем тебе понадобилось переплывать реку?

Джари молчала, опустив глаза.

— Отвечай! — прикрикнул на нее майор.

— Сегодня... сегодня должна быть моя свадьба... с Джарой... — тихонько проговорила девушка. — Он здешний мельник. Позовите его и сами спросите... Он все вам расскажет...

Майор помолчал, пристально вглядываясь в лицо этой худенькой смуглой девушки, потом вызвал солдата и велел привести мельника.

Солдат вскоре вернулся и доложил, что мельника нигде не могут найти — говорят, он еще с вечера исчез.

Луч надежды, теплившийся в глазах Джари, погас. Губы ее задрожали, из груди вырвалось рыдание... Бедняжка хотела что-то сказать, но язык отказался служить ей, и она вновь потеряла сознание.

Майор Абдул Азиз приказал хорошенько стеречь девушку, распорядился, чтобы ее как следует покормили и вызвали к ней врача.

*

*

*

О том, что случилось после описанных здесь событий, вы можете узнать только из нашего рассказа. Об этом не писали газеты Индии и Пакистана, не сообщали военные донесения. Все происшедшее настолько необычно и невероятно, что любой здравомыслящий человек, будь то индеец или пакистанец, вряд ли поверит этому. Я бы и сам усомнился в достоверности этого рассказа, если бы не повстречался с его героями. От них-то я и узнал, что произошло.

Майор Абдул Азиз нашел способ повидаться с командиром отряда индийцев капитаном Капурчандом. Не будем допытываться, как ему это удалось. Скажем лишь, что еще задолго до описываемого события оба они учились в одном колледже в Равальпинди, многие годы просидели за одной партой, порядочный срок прослужили вместе в армии. Когда же произошел раздел страны, Абдул Азиз вступил в пакистанскую армию, а Капурчанд — в индийскую. И теперь они стояли в противных лагерях и наводили друг на друга пулеметы...

При встрече между ними произошел такой разговор:

Абдул Азиз. Да здравствует Пакистан!

Капурчанд. Да здравствует Индия!

Абдул Азиз. К нам в руки попал ваш лазутчик. Разве у вас не осталось мужчин, что вы стали подсылать к нам девушек? Однако имейте в виду — шпион в любом случае будет расстрелян.

Капурчанд. Одну минутку, дорогой! Мы

тоже захватили вашего лазутчика. Но, так как он не женщина, а мужчина, его расстрел ни у кого не вызовет возражений.

Абдул Азиз. Как зовут этого парня?

Капурчанд. Сначала ты скажи, как зовут девочку.

Абдул Азиз. Ее зовут Джари.

Капурчанд. А нашего — Джара.

Абдул Азиз. Такой смуглый крепыш, среднего роста?

Капурчанд. Да, да, именно такой.

Абдул Азиз. Ну, так это не шпион.

Капурчанд. А кто же он по-твоему?

Абдул Азиз. И девушка, которую мы захватили, тоже не шпионка.

Капурчанд. Ничего не понимаю!

Тогда Абдул Азиз рассказал все, что знал о готовившейся свадьбе. Командиры долго беседовали. Оказалось, что в ту самую ночь, когда Джари переплыла реку с юга на север, Джара, снедаемый любовью и беспокойством, переплыл ее в противоположном направлении.

— И вот влюбленные снова разлучены! — смеясь заметил Капурчанд.

Абдул Азиз был настроен на более серьезный лад.

— Что же теперь делать? — спросил он.

— Самое лучшее, что мы можем сделать, это поженить их, — решил Капурчанд. — Переправь девушку ко мне — я отдам распоряжение, чтобы не стреляли. Ведь что ни говори, а девушка с моей стороны, так пусть и свадьба будет у меня.

— Вах! Это почему же? — возмутился Азиз. — Жених с моей стороны, и свадьба долж-

на быть у нас. Пришли-ка мельника ко мне.
— Как бы не так!

В тот раз командиры так и не договорились. Разговор возобновился на другой день.

Абдул Азиз. Послушай-ка, доктора считают, что девушка перенесла сильное потрясение.

Капурчанд. Я же тебе предлагал — переправь ее ко мне.

Абдул Азиз. Не мели чепухи!

Капурчанд. Поступай как знаешь. Да здравствует Индия!

Абдул Азиз. Да здравствует Пакистан! Но послушай, у меня мелькнула одна мысль. Северная часть моста находится в наших руках, южную захватили вы. Но середина, там, где пролом, не принадлежит ни Индии, ни Пакистану... Давай восстановим разрушенную часть, и...

Капурчанд. Прекрасно! Ты, как я посмотрю, горазд на хитрости!

Абдул Азиз. Клянусь Аллахом, тут нет никакой хитрости! Хочешь, я дам тебе любое обязательство? Но этих ребят надо во что бы то ни стало поженить! И свадьба их должна состояться в таком месте, чтобы и моя совесть была чиста, и тебя ни в чем не обвинили бы... Мне кажется, самым лучшим местом для этого будет середина моста.

Капурчанд. Хорошо. Только условимся: после свадьбы мост снова будет разрушен.

Абдул Азиз. Договорились. Однако смотри, чтобы никто об этом не узнал. Поклянись мне памятью той девушки из колледжа...

Капурчанд. Эх!.. Зачем ты о ней вспомнил?.. Скажи лучше, как ты находишь Джари?

Абдул Азиз. Главное в ней не внешность, а сердце.

Капурчанд. Ну что ж, присылай сегодня в полночь муллу. Но только смотри, чтобы не было никаких недоразумений! Иначе...

На этом прежние друзья снова расстались.

Жителям Чханджала предложили починить мост, и они стали свидетелями необычайного зрелища: ночью к месту прежнего пролома направились свадебная процессия. Среди гостей вертелись солдаты обоих отрядов. Над мостом сиял свет, звенели песни, царил покой и красота. Винтовки молчали, пулеметы безмолвовали. В ту ночь никто не был ранен, никто не стремился убить ближнего... Воздух благоухал миром. И мулла Ибрахим торжественно читал брачную молитву: «Единение — вот мое слово, а тот, кто это слово нарушит, — тот не мой...»

Сегодня старого деревянного моста уже нет. Но свадьба Джары и Джари состоялась. Жители деревни Чханджал построили другой мост — мост между человеческими сердцами, и ни одна доска этого моста не шатается.

ТЕМНЫЕ ПЯТНА

Далеко, до самого горизонта, простирался пустынный берег. Море дремало, сияла луна.

— Мне хочется поговорить с тобой! — сказал я луне.

— Поговори, — усмехнулась она, и лучи ее озарили самые дальние дали.

Я замолчал и в замешательстве опустил глаза. С чего начать? Вокруг расстилал свои пес-

ки берег. Кромка его была темна от грязи и испещрена пятнами. Тут и лунный свет был бессилен — песок не отозвался на его привет ни единой улыбкой или отблеском, который был бы способен вдохновить меня на этот большой разговор. С тоской огляделся я по сторонам. Но у песка нет глаз. Он не мог ответить мне ободряющим взглядом, он даже не увидел меня. Его темную обнаженную грудь бороздили унылые дюны, увенчанные корявыми кустами. Колючки, торчавшие на ветвях этих кустов, были остры, как лезвие бритвы. Из глубины моря набегали волны, наталкивались на холмы и снова уползали в родную пучину, оставляя лишь влажный след, раковины да клочья пены.

— Почему же ты замолчал? — спросила луна.

— Есть одна девушка...

— Девушка? — Луна снова усмехнулась.

— Я люблю ее!

— Он ее любит! — воскликнула луна, обернувшись к звездам. — Скажите, какая новость! Разве мне приходится слышать о чем-нибудь другом? Тысячи лет люди твердят мне о своей любви. Неужели со мной нельзя поговорить о чем-нибудь другом?

— Но ведь ты — сама нежность... Ты — луна... — пролепетал я. — Вспомни, разве когда-нибудь солнцу говорили: «Я люблю девушку»? Конечно, нет! Ведь солнце так немилосердно жжет, что при виде его невольно начинаешь мечтать о зонтике, а не о девушке.

Луна рассмеялась. По всему небосклону замерцали россыпи звезд; шире взмахнули качели волн...

— Ты находчив, как истинный влюблен-

ный, — заметила луна. — Говори же толком, в чем дело?

— Так вот, одна девушка...

— Ох, я уже слышала про эту девушку! Но где она? Почему вы не вместе?

— Далеко-далеко отсюда есть город, в этом городе есть далекая улица, на этой улице — далекий дом, в доме — далекая комната...

— Я заглянула в окно этой комнаты, — сказала луна. — Твоя любимая сидит на постели и, вспоминая тебя, плачет.

— Мы не можем соединиться, луна! — в отчаянии воскликнул я. — Мы не можем соединиться! Ведь ее вера, ее семья, ее обычаи совсем другие, чем мои! Нам не дано быть вместе!

— Скажи, а когда ты встречался с ней глазами, ваши взоры загорались?

— Да...

— А сплетались ли ваши пальцы так, что подчас невозможно было разобрать, какие пальцы кому принадлежат?

— Да...

— А шептались ли когда-нибудь твои губы с ее губами так, что нельзя было различить, где кончается слово и начинается поцелуй?

— Да...

— А когда ты подносил к ее губам цветок, благоухал ли он для тебя иначе, чем для нее?

— Нет, мы всегда ощущали только один аромат...

— Довольно! — прервала меня луна. — Истина — в едином взгляде, в едином ощущении. Все остальное — ложь!

— Как же случилось, что ложь победила правду? Отчего моя любимая не может быть

со мной? Почему мы должны плыть в разных лодках? Ответ же мне, о луна!

— Слушай меня, — решительно сказала луна. — Любовь — не только вздохи, любовь — сама жизнь. Она — не мечта, а борьба, борьба с отжившим, со злым, с безобразным... В этой борьбе подчас побеждает ложь; иногда она берет верх над двумя жизнями, иногда — над двумя могилами... смотря по тому, какими путями ведет любовь. Вчера мужчина прославлял локоны своей возлюбленной, сегодня, ухватив ее за эти локоны, ввергает в пропасть... Иногда женщина вступает в пять браков, а мужчина — в пятьсот, но — смотри! — мрак все более рассеивается! Уже многие тысячи жизней озарены светом любви!

— Я знаю, — сказал я.

— И она знает? — спросила луна.

Некоторое время я молчал, опустив голову, затем тихо сказал:

— Она говорит, что...

— Молчи! — остановила меня луна. — Я не хочу слушать, что она говорила тебе. Я сама с ней поговорю! Приведи ее ко мне.

Проговорив это, луна натянула на себя покрывало из облака и уснула на синей крыше неба. А я, растерянный и смущенный, отправился домой.

Лунные ночи сменяли одна другую, ветерки приносили издалека ароматы цветов, волны выбрасывали на берег раковины и блестящие, как звезды, камни. Но та, ради которой голоса земли, неба и моря слились в едином гармоническом аккорде, она, моя любовь, — не приходила. Проплывали, распустив паруса, лодки. Звонкие

запевы моряков пугали проворных рыбок. Ветер, притаившийся в павлиньих хвостах кокосовых пальм, уловив момент, подхватывал шорох чьих-нибудь шагов и уносил его вдаль, а море, лаская струны берега, все пело свою печальную песню. Она не приходила. Я ждал ее целый месяц; море тихо плескалось и всхлипывало у моих ног. Она все не приходила...

В тот вечер, когда она наконец появилась, не было ни луны, ни моря, ни берега. Была сводящая с ума тахта в цветных горошках, были розы, была томительная музыка джаза, лившаяся из приемника...

Мы сидели рядом и тихо разговаривали.

— Моя мать сказала, что, если я выйду за тебя замуж, она отравится...

— А мой отец поклялся, что, пока он жив, нашей свадьбе не бывать. Ты ведь знаешь, Сварна, какой человек мой отец!

— А мой брат заявил, что застрелит тебя из пистолета.

Я не на шутку перепугался.

— Что же нам делать?

— На той неделе будет моя свадьба... — прошептала Сварна и разрыдалась.

Я тоже заплакал.

Так мы оба сидели и плакали. Когда же слезы иссякли, мы порешили, что умрем, но докажем силу своей любви.

— Я не могу без тебя жить! — воскликнула Сварна, обвивая руками мою шею.

— А я — без тебя! — сказали мои губы ее губам.

— Как жесток этот мир! — со вздохом промолвила Сварна. — Он не дает нам жить, ли-

шает права любить. Ведь мы ничего не требуем, мы хотим только, чтобы нам позволили любить. Так давай же... — Она не договорила, но в словах ее мне послышались нотки мужества.

— Давай восстанем против этого мира! — подхватил я.

— О нет, так нельзя! — в испуге остановила меня Сварна. — Я боюсь... — И она снова расплакалась.

Я умолк.

Постепенно всхлипывания Сварны становились все тише. Наконец она вытерла слезы, провела по губам карминным карандашиком и сказала:

— Нам остается одно — умереть.

— Да, в нашем положении смерть — лучший выход, — тихо ответил я, обнимая любимую и привлекая к себе. — Если нам не дают жить так, как мы хотим, лучше умереть. Но как это сделать?

— Очень просто: купим на базаре пару веревков, сделаем две петли и повесимся.

— Что и говорить, способ хорош, но только... Представь себе, что веревка оборвется... или вдруг одна петля затянется, а другая соскользнет? Тогда один из нас умрет, а другой останется жить. Подумай, что тогда будет!

Поразмыслив, мы отказались от этого способа.

— Что же нам делать? — Большие, изумленно глядевшие на мир глаза Сварны раскрылись еще шире. — Поскорее придумай что-нибудь еще!

— Раздобудем где-нибудь яду и...

— Нет, нет! Яд — это ужасно! — поспешно

перебила меня Сварна. — От него портится цвет лица... Одна моя подруга отравилась из-за несчастной любви. До сих пор не могу забыть ее лицо... — Сварна даже передернула плечами.

Мы перебрали множество путей, какими можно уйти из жизни, но одни не нравились Сварне, другие — мне.

— Вот еще горе! — воскликнула Сварна. — Нам казалось, что труднее всего жить, а оказывается, умереть — не проще.

Наконец, перебрав бесчисленное множество вариантов, я нашел подходящий.

— Послушай, Сварна! Вот что нам нужно сделать: накануне твоей свадьбы мы бросимся в море и утонем.

— А это не больно? — подозрительно спросила она.

— Конечно, нет! — ответил я так уверенно, словно не раз проходил через подобные испытания. — Ты только представь себе: вначале вода доходит до щиколоток, потом поднимается до колен, до пояса, до шеи... Мы беремся за руки и, глядя друг другу в глаза, погружаемся в волны... Там, в море, наши тела всегда будут вместе, слово пара серебристых рыбок или сверкающих морских звезд. Там, на дне, среди коралловых островов, мы обретем свой рай!

— Какая прекрасная смерть! — воскликнула Сварна, сжимая мою руку. — Но зачем нам ждать? Давай сейчас же пойдем к морю!

— Нет, лучше мы сделаем это накануне твоей свадьбы. Как раз тогда будет светить луна...

— А для чего она нам? — удивилась Сварна.

— Да просто так... Она хотела тебя видеть...

Но Сварна не поняла меня. В тот вечер она слышала лишь зов смерти, а не зов луны.

Наконец день, когда мы должны были умереть, наступил. Сварна надела свадебные браслеты и поставила на лбу бинди — маленькую темную точку: сегодня она стала невестой и готовилась соединиться со мной — женихом. Смерть должна была сочетать нас. На небе сияла луна, а по земле мы двое шли к морю, чтобы умереть.

Луна попыталась остановить нас.

— Погляди, Сварна, как прекрасна эта ночь! — сказала она. — Право, она создана не для смерти, а для жизни, для того, чтобы любить!

— Что же делать? — вздохнула Сварна. — Я не в силах сопротивляться. Тебе, луна, этого не понять... Если я выйду за него замуж, моя мать отравится, и меня всю жизнь будет мучить совесть.

— Кто станет травиться? Разве кто-нибудь жертвовал жизнью ради того, чтобы удержать другого от любви? Отец Лейли, мать Меджнуна, родители Джульетты или брат Ромео — никто из них не отравился. Умирают лишь те, кто любит. Одни принимают яд, другие бросаются под поезд... Смерть призывают лишь одержимые любовью, а те, кто стремится убить любовь, — живут и здравствуют.

— Но наша любовь слишком многих заставила страдать... — тихо возразила Сварна.

— Такова природа любви — она всегда кому-то несет страдания. Ведь любовь — это созидание; когда росток пробивает грудь земли, матери-земле приходится потесниться; когда лотос

выбрасывает цветок, он разрывает озерную гладь. Так повелось, без страданий не родится новая жизнь.

Сварна схватила меня за руку и увлекла вперед.

— Не слушай глупые речи этой болтушки-луны! — воскликнула она. — Давай скорее уйдем от нее!

Мы подошли к волне, набегавшей на прибрежный песок, вошли в море — луна все продолжала что-то говорить нам вслед. Но вот она умолкла, и шум моря стал слышнее. Вначале вода доходила нам до щиколоток, потом до колен, до пояса... но тут недалеке раздался крик: «Спасите! Спасите!» Мы оглянулись и увидели тонущего человека. Он отчаянно барахтался и звал на помощь.

Я выпустил руку Сварны и кинулся к утопающему. Вскоре он уже лежал на берегу. Его желтое лицо поросло многодневной щетиной, глаза закатились, дыхания почти не было слышно. Сварна взглянула на несчастного и у нее на вернулись слезы. Взяв меня за руку, она шепнула:

— Этот человек — наш собрат по несчастью...

— Бедняга! — с чувством воскликнул я. — Смотри, Сварна, вот она, истинная любовь!

В этот момент человек приоткрыл глаза и еле слышно простонал:

— Хлеба... Хоть кусочек хлеба... Я шесть дней... ничего не ел...

Мы молчали, да и что тут можно было сказать? Мы оба, Сварна и я, люди обеспеченные, готовые уйти из жизни ради своей любви, — мы и вообразить не могли, что причиной

смерти может быть голод... Но вот Сварна взглянула на меня, а я — на нее. В этот миг мы вдруг поняли, что умирать так, как мы задумали, — бессмысленно и грешно. Ради любви стоит предпринять что-то совсем другое, но от смерти надо бежать!

...Сегодня снова лунная ночь, и я опять говорю с луной. Сварна уже давно замужем, я давно женат. У каждого из нас своя жизнь, свой дом, дети, семья, друзья... Мы живем далеко друг от друга, никогда не встречаемся, но в иные моменты как бы сливаемся воедино, ибо думаем об одном и том же, делаем одно и то же дело... Благодаря мне и Сварне, благодаря сотням тысяч, десяткам миллионов людей, мыслящих и действующих подобно нам, этот мир становится все лучше — где-то перестают голодать, где-то смягчается жестокость, там становится больше любви, тут крепнет мир. Разве этого мало?

— Значит, ты счастлив? — улыбаясь, спросила луна.

— Да.

— А Сварна?

— И она счастлива.

Луна снова улыбнулась. Я не понял, к чему относилась эта улыбка.

— А ты когда-нибудь вспоминаешь Сварну? — вдруг спросила луна.

— Да, вспоминаю. Бывают такие вечера, полные безумного томления... когда вдруг перестает лить дождь, проясняется небо и синюю твердь капля за каплей начинает заливать кровь заката... Когда в ночи загораются жаркие сподожы, а над берегом моря кружит отбившаяся

от гнезда ласточка... В такие вечера снедаемый тревогой я бегу из дому. Как безумный, мечусь я по пустынным берегам своей жизни, разыскивая ту Сварну, которую не знал и никогда не узнаю, Сварну — океан души моей...

Луна снова улыбнулась.

— Ты все улыбаешься?! — возмутился я. — А ведь это твоя вина!

— Моя? — удивилась луна. — Почему моя?

— Потому что ты, столько знающая о любви, не научила Сварну любить! Многие тысячелетия провела ты в беседах с любящими, поняла печаль Данте, прониклась горем Джульетты, осушила слезы Шакунталы, внимала лютне Хир, положила свою нежную руку на грудь Ранджхи, слышала последний крик Сохни, бросившейся в волны Ченаба, служила проводницей Савитри, спустившейся в ад в поисках своего возлюбленного... Если бы ты только захотела, ты сумела бы научить любви мою Сварну. Почему же ты не захотела? Верно потому, что у тебя черное сердце. Недаром на твоей сверкающей груди темнеют пятна!

И опять улыбнулась луна.

— Луна — так прозвали меня вы, люди. Настоящее же мое имя — любовь. И пятна на груди моей — страшные шрамы, следы предательства... Если кто-нибудь из вас, людей, трусливо предает свою любовь, на моей груди появляется рана... Не перекладывай же на меня собственную вину. Эти раны — они из-за тебя...

— Но... — заикнулся было я.

Луна не дала мне говорить.

— А теперь уходи, — приказала она. — Мы с

тобой уже обо всем переговорили. Видишь, сюда приближается человек, — он пришел ко мне, настала его очередь.

ИНДИЕЦ, ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ АМЕРИКИ

Бывают же такие дурацкие встречи! Я вышел из автобуса на остановке «Чарчгет» и, вперив взор в асфальт, направился было к гостинице. Вдруг какой-то тип, подойдя ко мне сзади вплотную, гаркнул:

— Hey, kid *!

От неожиданности пятки мои взлетели на два фута над землей. Потом они опустились, но уже не на тротуар, а в корзину продавца гороха. Корзина развалилась, горох покатился по земле, а продавец принялся на все лады поносить меня. Не успел я оглянуться, чтобы узнать, какой это горлопан вывел меня из равновесия, как чья-то мощная лапа хлопнула меня по плечу и тот же голос повторил еще громче:

— Hey, kid!

Я в ярости обернулся: передо мной, неистово хохоча, стоял долговязый детина в синем костюме и голубой рубашке, разрисованной зелеными арбузами. Пользуясь тем, что от бешенства я потерял дар речи, он прогнусавил:

— Don't you know me **? Джагмохан Каприя.

Тут уж я, конечно, узнал его.

— Форсила! — вырвалось у меня. — Да ты ли это? — Я радостно потряс его руку. — Подумаешь только, Джагмохан Каприя!

* Эй, парень! (англ.).

** Ты меня не узнаешь? (англ.).

Еще в школе Джагмохану дали прозвище «Форсила».

Гнев мой как рукой сняло.

— Я тебя уже года три не видел, — сказал я Джагмохану. — Где ты пропадал все это время?

— В Штатах.

(Удивительное дело — каждый человек, побывавший в Америке, непременно называет ее «Штатами»! Почему это — ума не приложу.)

— Зачем тебя носило в такую даль?

— Расскажу, все расскажу, идем ко мне в отель. Я остановился в «Олар-Парке».

Мы пошли по направлению к «Олар-Парку».

— Эй вы, чудо господне! — окликнул меня продавец гороха.

Я оглянулся.

— В чем дело, брат?

— Как же, сахиб! Вы сломали мою корзину, рассыпали горох, перевернули горшок с углями да еще спрашиваете, в чем дело?! — Продавец гороха в исступлении размахивал руками перед самым моим носом.

Форсила дернул молнию на кармане, извлек желтый бумажник, дернул молнию и на нем, вытащил бумажку в пять рупий и протянул ее продавцу гороха. Тот взял деньги и стал внимательно разглядывать, нет ли и на них молнии. Наконец убедившись в том, что деньги самые обыкновенные, он сунул их в карман. Мы уже тронулись дальше, когда услышали его насмешливый голос:

— Вот уж поистине чудо господне! — Это явно относилось к кому-то из нас.

Придя в отель, мы решили сначала отдохнуть в номере Джагмохана. Тут-то уж я смог как

следует разглядеть его. Он раздался в плечах, пополнил и усвоил манеру сыпать словами без передышки. Раньше, до поездки в Америку, он говорил как все люди — горлом и ртом; теперь же каждый звук, который он произносил, казалось, попадал в нос и, порядком поплутав там, выскакивал из ноздрей. У меня даже создалось впечатление, что эта его манера говорить влияет и на структуру фраз: все они получались удивительно округлыми. Благодаря такому произношению родной язык вдруг зазвучал как-то изысканно, простые, знакомые слова как бы приобретали новый смысл. Признаться, я поймал себя на том, что, вслушиваясь в его речь, думаю не о ее содержании, а об этих самых округлостях. И тут мне припомнилась пора, когда мы с Джагмоханом жили в Мантгумари, учились в одном классе и даже сидели рядом. Вспомнил я и дразнилку, которую мальчишки сложили про Джагмохана, щеголявшего в огромном, сползавшем на нос тюрбане и в широченном тахмаде *.

Дылда, форсила,
Скошенное рыло!
На башку, осел,
Нацепил котел!

Отсюда-то и пошло его прозвище — «Форсила». И вот, слушая его болтовню, я вдруг припомнил эту дразнилку и стал тихонько напевать ее. Джагмохан растерянно смолк.

— Брат, теперь ты мог бы и не называть

* Тахмад — набедренная повязка.

меня Форсилой, — немного погода жалобно попросил он. — Ведь я вернулся из Штатов, прошел серьезную школу...

— Чему же тебя там учили?

— Как добывать масло.

— Из чего?

— Из каджу*.

— Да ведь и у нас добывают масло из каджу.

Желая переменить тему, Джагмохан принялся показывать мне вещи, которые привез из Америки. Главной достопримечательностью были туфли — пар десять или двенадцать, все с цепочками. Наденешь такую туфлю, дернешь цепочку — туфля стягивается молнией и облегает ногу. На брюках Джагмохана вместо пуговиц была молния с цепочкой, на карманах пиджака — тоже. Молнии и цепочки были повсюду: на рубашках, на свитерах, даже на носках.

Затем Джагмохан показал мне календарь. На каждом его листке красовалась голая американская мисс. Я покрутил календарь в руках и с удивлением спросил:

— А где же молнии у этих женщин? Ведь они совсем голые.

Он снисходительно усмехнулся моей неосведомленности, уложил календарь в футляр и задержал на нем молнию.

— Теперь ты признаешь, что Америка — великолепная страна?

— Твоя правда, Форсила. В этой стране на всем, начиная носками и кончая женщинами, — железные цепочки.

* К а д ж у — вид земляного ореха.

— Sure, sure *, — не поняв меня, Джагмодхан восторженно кивал головой.

Форсила почти в каждую фразу вставлял «sure» или «fine» **. Если же что-нибудь ему особенно нравилось, он восторженно вопил какое-то бессмысленное «хаки!». Брюки у него были «fine», свитер — «хаки», рубашка «fine», галстук — «хаки».

Кстати сказать, галстуки Форсилы заслуживали внимания. Это были особые галстуки — по желанию их можно было надевать на ту или другую сторону. А какие рисунки! На одних были узоры, как на старинных тканях, на других — как на коврах, а иные пестрели какими-то нелепыми разводами, словно их размалевал маленький ребенок. На нескольких галстуках были такие громадные узлы, что носить их было в пору разве что ослу.

Форсила вытащил из груды галстуков один и показал мне. На одной стороне галстука был оттиснут кроссворд, за решение которого полагался приз, на другой — красовалась спящая женщина.

— Что это означает? — спросил я.

— Имеющий голову поймет.

— Нет, в самом деле?

— А ты отгадай.

— Если бы мне довелось набраться американской учености, я может быть, и отгадал бы, а пока я не обойдусь без твоей помощи.

— Sure, sure! — захлебнулся Форсила. — Смотри, этот галстук обозначает: днем решай крос-

* Конечно (англ.).

** Великолепно (англ.).

сворд, ночью пробирайся в чью-нибудь спальню.

— Хвала Аллаху, что за премудрость! — невольно вырвалось у меня.

— А теперь полюбуйся этим экземпляром.

Этот галстук тоже оказался двусторонним. На одной стороне была изображена трубка, из которой поднимались клубы дыма, на другой — туфельки на каблуках-шпильках: одна туфля в верхней части галстука, другая — в нижней.

— Угадай, что это значит? — задал вопрос хозяин.

— Эти рисунки означают: будешь курить — жена побыет.

— Ха-ха-ха! — развеселился Джагмохан. — Ну и пустомеля же ты, брат!

— А ты как был, так и остался Форсилой! — со злостью ответил я.

Джагмохан потрепал меня по плечу.

— Брось, не злись! Этот галстук предназначен специально для вечера. Собираясь в бар, надень галстук той стороной, на которой изображена трубка. Потягивай вино и любуйся стройными ножками хорошеньких девушек. Если же какая-нибудь из них тебе приглянется — переверни галстук на другую сторону и пригласи девушку на танец. Понимаешь, танец — dance: один каблук наверху, другой внизу, расстояние в десять дюймов, как в рок-н-ролле! Ха-ха-ха!

Джагмохан снял свою довольно обыкновенную рубашку и надел другую — с таким широким воротником, что под него можно было бы продеть по крайней мере четыре галстука. Однако мой приятель удовольствовался тем, что

нацепил этот последний — с высокими каблучками и дымящейся трубкой. И поскольку уже наступил вечер, а в Бомбее еще не был введен «сухой закон», Форсила повел меня в бар при отеле.

— Что ты будешь пить? — спросил он.

— Виски, только виски, — ответил я. — Ну, если ты станешь меня упрашивать, я, пожалуй, добавлю в стакан немного содовой.

— Что за дикий напиток! Его пьют только англичане да англо-индийцы. Лучше уж пей кока-колу и жуй резинку.

— Вот не было печали! Изобрети что-нибудь поновее.

— О бэби! Сегодня я угощу тебя новым американским коктейлем.

Форсила направился к стойке и, поглаживая пояс из крокодиловой кожи, принялся объяснять бармену, какие напитки следует смешать. Бог знает, куда увлекла его фантазия, во всяком случае, торчал он там минут пятнадцать-двадцать. Вернулся он, потирая руки от удовольствия. Следом за ним подошел официант и поставил перед нами два стакана с какой-то бурой жидкостью, которая по виду напоминала не столько вино, сколько лошадиную мочу. На дне лежало по маслине.

Я попробовал эту жуткую смесь; она была отвратительна — горькая, с затхлым запахом. Меня чуть не стошнило. Чтобы перебить вкус, я выудил из стакана маслину и взял ее в рот. Уф! Во рту у меня запылало, словно я хватил неразбавленного уксуса.

— Послушай, Форсила, это коктейль или серная кислота?! — завопил я.

Форсила как ни в чем не бывало смаковал свой коктейль и продолжал болтать. Два-три стакана этого зелья привели его в какое-то странное состояние: он уставился оловянным взглядом в размалеванный потолок и предался грезам...

— О, мне вспоминаются американские горячие собаки! — простонал он.

— Странное название! Что за «горячие собаки»?

Оказалось, что в Америке так называют сосиски.

— А как там называют горячих собак? — спросил я.

Он пристально, не мигая, поглядел на меня, затем снова устремил взор в потолок.

— О! А шницель по-гамбургски!

— Это еще что за напасть? — буркнул я.

Форсила пустился в пространные объяснения. Из его долгого и нудного рассказа я понял, что этот самый «шницель по-гамбургски» почему-то готовят из рыбы.

— Ну и болван же ты! — рассердился я. — Да разве для этого необходимо ехать в Америку? У нас в каждом доме найдется такой шницель.

— О! Бейсбол! — снова возопил он.

Еще двадцать минут мы выясняли, что бейсбол — это макарданда, та самая игра, которой мы увлекались в детстве. Далеко-далеко от Америки, в предгорьях Гималаев, тысячу лет назад наши предки играли в макарданду. Подумаешь — бейсбол!

— А никинг парти! — взвыл Форсила.

— Какая еще там «никинг парти»?

Глаза Форсилы мгновенно стали масляными, и он принялся объяснять:

— Первый и основной принцип «никинг партии» — муж в течение вечера не имеет права подходить к собственной жене. Он обнимает других женщин, а жена весь вечер находится в объятиях других мужчин. О! О! Никогда в жизни мне не забыть один такой вечер в Цинциннати!

И вновь неудержимый поток воспоминаний...

Горячие собаки, горячие женщины, пустые бутылки, пустые головы! Внезапно я ощутил приступ тошноты.

— Больше ты ничего не видел в Америке? — спросил я Форсилу.

— Что? — не понял он.

— Поля Робсона ты видел?

— Как? Что?

— Ты слышал или читал стихи Уолта Уитмена? Ты видел детвору, по утрам спешащую в школу?

— Ну знаешь ли! Я ездил в Штаты не для того, чтобы тратить время на подобную ерунду.

Гнев окончательно захлестнул меня. Я ухватил Форсилу за галстук.

— Ты привез эту мерзость из Америки, — тихо, стараясь не кричать, заговорил я. — На одной стороне этого галстука табачный дым, на другой — развратный танец, на одной стороне азартная игра, на другой — измена. С одной стороны Трумэн, с другой — атомная бомба! Но это — твоя Америка. Моя Америка другая. Уж я разыскал бы там галстук, на одной стороне которого портрет Авраама Линкольна, а на

другой — трудящийся негр, на одной — любящий отец, на другой — верная жена, с одной стороны — героический Пикскилл, с другой — голубь мира. Такой галстук я носил бы не снимая.

Форсила высвободил галстук из моих рук и чуть ослабил узел.

— Ты как был, так и остался убогим политиканом! — бросил он мне и снова устремил взгляд в потолок.

Немного погодя он вдруг захныкал:

— Как душно в этой дикой стране! О, если бы я снова мог уехать в Штаты!

— О, если бы ты мог уехать! — яростно подхватил я.

Он не заметил моего сарказма.

— Но чему же мне теперь учиться? — нетерпеливо спросил он. — Стипендию-то я у них вырвал бы!

— Теперь тебе неплохо было бы научиться выжимать масло из человеческих мозгов. Можешь не сомневаться, на это тебе дадут стипендию. А уж в Америке ты изучишь это дело в совершенстве, столпы общества поделятся с тобой опытом.

Я встал и быстро направился к выходу.

Форсила некоторое время сидел неподвижно, продолжая недоуменно таращить глаза мне вслед. Но вот взгляд его наткнулся на красоту португалку; сидя перед своим бокалом, она похлопывала ладонью по столу в такт джазовой песенке. Ножки у нее были что надо!

— Хаки! — громко сказал Форсила.

И стал поспешно переворачивать галстук на другую сторону.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Было около двух часов ночи, когда я вдруг открыл глаза. Тонкая пелена облаков скрывала луну. И я услышал: на своей постели всхлипывает мать.

— Что ты, мама? — испуганно спросил я.

— «Что ты, мама!» — с горьким упреком повторила мать, продолжая всхлипывать. — Стида у нас нет, ни у отца, ни у сына, вот что! Вырос таким большим, а бога не боишься...

— Да в чем дело в конце концов? — прервал ее я. — Что за плач среди ночи?

Стояло лето. Все мы, кроме отца, спали на веранде. Здоровье его было неважным, он даже летом боялся простудиться и круглый год спал в доме. Но вот проснулся и он. Слышно было, как скрипела кровать, когда он поворачивался к окну, чтобы спросить:

— В чем дело, Вахид? Отчего плачет мать?

— Откуда я знаю, папа! Плачет, и все.

Всхлипывания матери усилились.

— О чем только вы думаете! — упрекала она нас. — Бог знает, в каком положении сейчас мальчик, мой маленький Махмуд, а вы здесь сладко спите. У него там нет никого — ни матери, ни брата, а вы тут спокойно похрапываете, словно вам и думать не о чем... Я только что видела моего маленького Махмуда во сне. Будто лежит он на грязной-прегрязной кровати, мечется в лихорадке, горит весь и стонет «Мама!.. мама!..»

Мать разрыдалась.

Мамин «маленький Махмуд», мой старший брат, учился в Лахоре и готовился держать эк-

замен на степень бакалавра искусств. Он был на третьем курсе. Я уже сдал годовые экзамены и в мае вернулся домой, а он еще должен был оставаться в раскаленном Лахоре. И вот прошел июнь, а Махмуда все нет. Мать очень тревожилась. Да и все мы волновались. Третьего дня мы послали ему телеграмму, а вчера после долгого перерыва от Махмуда пришло письмо, очень короткое.

Он писал: «Я был болен. Малярия. Но уже прошла. Несколько дней здесь идут сильные дожди. Если так у нас, в Лахоре, то что же творится в Исламабаде? Можно ли сейчас проехать в Кашмир? Поскорей напишите, какую дорогу мне выбрать: на Джамму — Банихал-Род или на Кохала-Ури?»

Поразмыслив, мы решили, что, хотя действительно шли сильные дожди и обе дороги развезло, все же путь на Кохала-Ури надежнее, чем на Банихал-Род. Так мы ему и написали в телеграмме.

Теперь за полночь... Сон отца нарушен. Он сердито сказал:

— Что с ним может случиться? Ты поднимаешь переполох, словно на пожаре. Махмуд — не малое дитя. О чем ты беспокоишься? Дети тысяч матерей учатся в Лахоре, живут так же, как Махмуд, — и благополучно возвращаются домой. Приедет и он. Если утром он выехал из Лахора, то к вечеру должен быть уже в Равалпинди. Завтра Кохала, и...

Мать перебила его:

— «И... и!» Что ты говоришь? Если, не дай бог, лихорадка у него возобновится, что будет тогда?..

Голос матери осекся. Она вытерла глаза и добавила:

— Закажите мне машину, я сейчас же поеду в Лахор!

— Не будем спорить, спать нужно! — сказал отец.

Слышно было, как он повернулся на другой бок, надеясь заснуть. Закрыл глаза и я. Но ухо мое продолжало улавливать тихие всхлипывания мамы.

Лежа с закрытыми глазами, я размышлял. Что за сердце у матери и как удивительна ее любовь! Сердце матери, любовь матери — совершенно особенные явления в нашем мире. Может быть, это такая же иллюзия, такой же плод воображения, как и другие наши фантазии? Говорят, основа этой любви — животная. Сын — часть материнской плоти, поэтому-то мать его так сильно любит. Правы ли некоторые философы, утверждающие, что все мы разобщены в этом мире, каждый живет лишь сам для себя?.. Ни у кого нет спутника. Считая кого-то близким, мы ошибаемся. В действительности все совершенно чужие друг другу, не могут понять друг друга... Вот, например, я — брат Махмуда. Во мне течет та же кровь, что и в нем. Мы оба любим друг друга и за двадцать лет расставались лишь на короткое время. Но ведь я же не волнуюсь так, как мать? Что же, выходит, мы подобны каменным глыбам или египетским пирамидам, одиноким и бесчувственным?..

Будда сказал, что этот мир — обман, иллюзия. Может быть, но что-то не верится. Откуда возникает столь прекрасное чувство —

материнская любовь? И разве любовь матери, плачущей хотя бы в одном из уголков земного шара, разве это обман? Иллюзия?

— Махмуд, мой маленький Махмуд... Крошка моя!..

Тихонько всхлипывая, мама причитала и все повторяла имя брата.

Какая старая, знакомая история! Мой уважаемый братец, наверное, все еще в Лахоре и, конечно, развлекается на пирушках, ходит в кино. Или где-нибудь на остановке по дороге в Кашмир сладко спит и видит приятные сны. Вероятно, и малярии-то у него не было — знаю я все эти выдумки брата! Знает и мама и все-таки плачет. Конечно, материнская любовь — одухотворенное чувство. Нет, в этом большом мире мы не одиноки; мы не бесчувственны, подобно камням.

Мне вспомнился рассказ Мопассана, в котором он так горестно описал одиночество. Несчастный Мопассан! Подобно тем философам, которые всю жизнь лишь умозрительно рассуждают о любви, он так и не постиг истинного смысла многих им же самим рассказанных историй любви. Коварство мира направило его мысль по ложному пути. Он писал: «Из всех загадок человеческого бытия я разгадал одну: больше всего страдаем мы в жизни от вечного одиночества, и все наши поступки, все старания направлены на то, чтобы уйти от него... Эти любовники, приютившиеся на скамейках под открытым небом, подобно нам, подобно всем живым тварям, стремятся хотя бы на миг не чувствовать себя одинокими; но они, как и мы, всегда были и будут одиноки».

Открыв глаза, я посмотрел на маму. Она так и уснула плача. Щеки ее были влажны, в уголках прикрытых век блестели слезы. Должно быть, Мопассан ошибался. Записывая эти строки, он, видимо, забыл о своей любящей матери, забыл ее милые колыбельные песни, ее ласковые шлепки, когда он, еще малышом, пищал, прижимаясь к ее груди. Человеческая любовь — только обман?.. Вероятно, он при этом не вспомнил, как мать обнимала его и гладила по голове, когда он был уже взрослым. Забыл, как тревожилась мать после его отъезда из города, как по вечерам все смотрела на дорогу, поджидая его... Как каждую его ошибку называла простительным детским промахом и даже каждый его проступок считала добрым делом...

Нет, в этом мире мы не одиноки... С нами всегда мать. То одиночество, на которое сетует Мопассан, те страхи, которые нас преследуют в сутолоке жизни, мгновенно исчезают в объятиях матери.

Нет, мы не одиноки в этом мире. С нами — наша мать. Поистине это так...

— Гу-гу... Гу-гу... Гv-гу...

— Кукареку! Кукареку!

Петухи, голуби, певчие птицы приветствуют невесту утра — зарю. Птичий гомон, прогнав остатки сна, заставил меня встрепенуться. Я сел, свесил ноги с кровати и стал протирать глаза.

— Вахид! Вставай, вставай, сынок, Махмуд приехал!

Открыв глаза, я взглянул — верно! Мать присела на скамеечку возле розового куста, а

Махмуд склонился к ее ногам*. Я бросился к ним, и мы с братом обнялись.

— Где ты пропадал так долго? — спросил я.

Махмуд озорно посмотрел на меня и подмигнул. Потом, нагнувшись, стал внимательно разглядывать ярко-красные розы.

— Почти неделю шли проливные дожди. Дорога была закрыта.

Крепко сжав мою руку, он начал сильно трясти ее.

Мать чистила овощи и смотрела на нас. В ее глазах переливались два океана слез, но в этих океанах плясали веселые светлячки счастья.

ДРЕВО ВОДЫ

Наша деревня расположена в долине между грядами каменистых гор. Восточная гряда — голая. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. В глубине ее залегли соляные копи. Западная гряда поросла кустарником и акацией. Кое-где над этой зеленью возвышаются мрачные нагромождения скал. С гряды текут два драгоценных источника — два ключа пресной воды. Около них-то и приютилась наша деревня.

Нам не хватает воды. С детства запомнились мне раскаленное небо, потрескавшаяся, тяжело дышащая земля, темные руки крестьян, бурый блеск их лиц, говорящий о вековой жажде. Лица женщин светлее, они золотисты, но ведь

* С таким приветствием обращаются к старшим родственникам.

женщины носят воду из ключа. На всем остальном лежит тот же бурый налет: на одежде крестьян, на домах, на земле. Баджра* тоже чуть темнее, чем везде, черноватая.

Все воспоминания моего детства связаны с водой — жажда воды, убыль воды, поиски воды. Сердце каждого жителя нашей деревни хранит память о воде и об ужасе разлуки с нею.

Помню, как я еще малышом ходил с бабушкой Амман стирать белье на речку Кхель. Бабушка полоскала, а я колотил белье на сверкающем песке. Воды в речке было мало. В сущности, это был узкий ручеек, спокойный и ласковый, как Бало, дочка нашего соседа Сардар Сада-хана. Я любил играть с речкой не меньше, чем с Бало. Обе они, и речка и Бало, улыбались мне светлой улыбкой. Только тот, кто, как я, работает в копах, может оценить радость, которую дарили мне эти улыбки.

Но речка наша жила не больше шести месяцев в году. В жаркую пору она пересыхала. Тогда на обнажившемся дне можно было видеть маленькие синие камушки, а ноги ступали по мягкому илу, как по шелковому ковру. Проходило несколько дней, ил высыхал, и дно речки покрывалось густой сетью морщин. Затем оно трескалось, как губы крестьян.

Когда я в первый раз увидел пересохшую речку, я так испугался, что вечером долго не мог заснуть. Укачивая меня на коленях, бабушка рассказывала удивительные истории, а я вспоминал Кхель и свои игры с нею. Спокойно журча, она вдруг резвым потоком огибала груды

* Б а д ж р а — вид проса.

камней и, словно Бало, рассердясь, убегала от меня в укромный закоулок. Однажды мы с Бало устроили возле двух камней мельничное колесо из колосков баджры и, играя, воображали, что мелем набухшее зерно. Как быстро вертелась наша мельница, несмотря на тихое течение! И вот — пересохла наша Кхель...

— Бабушка Амман, а куда ушла наша речка? — спросил я, следуя собственным мыслям.

— Спряталась в землю.

— Почему?

— Боится солнышка.

— Ух! Да чего же она боится? Солнышко доброе, хорошее.

— Солнышко не одно, внушек, их два. То, которое светит зимой, — хорошее, ласковое. А летнее солнышко — сердитое, жаркое. Они к нам в деревню приходят по очереди. Пока гостит зимнее солнышко — речке радость, а как подкрадется летний разбойник, так и пойдет стаскивать с речки ее платье. Каждый день уносит этот злодей какую-нибудь одежду, и к концу лета речка остается лишь в тоненькой рубашонке. Тогда наша речка прячется от стыда в землю, поджидает зимнее солнышко. Придет оно и даст ей новую одежду.

— Летнее солнышко гадкое! — сказал я, протирая глаза.

— Верно, дурное. А теперь спи, внушек, спи.

Но мне не спалось, и я снова спрашивал:

— Бабушка Амман, почему вода с нашей соляной горы горькая?..

Много вопросов о воде задавали дети нашей деревни. Их мечты всегда были связаны с водой. В других деревнях, где воды было доста-

точно, ребята, наверно, открывали золотые острова или искали дорогу в страну пари*. В нашей деревне ребята с раннего возраста открывали воду. Где бы ни играли они, — в лощине или в горах, — вода была обязательной участницей этих игр.

И я, будучи еще малышом, нашел воду — в соляной горе я открыл несколько ключей. До сих пор помню радость, пережитую мной, когда я увидел первый ключ. Весь дрожа, манил я к себе пальцами струйку, бившую из расселины скалы. Я набрал целую пригоршню воды, она трепетала в моих ладонях, как только что пойманная птичка. Какой же судорогой отвращения сменилась моя радость при первом глотке! Вода ужалила мой язык, словно скорпион, своей соленой горечью. Отплевываясь, я принялся искать другой источник. Но и до сих пор не удалось мне найти на соляной горе ни одного пресного ключа.

*

*

*

Речка пересохла, и мечты о пресной воде неотступно томили меня.

— Бабушка Амман, — приставал я, — почему же вода с соляной горы горькая?

— Об этом говорится в сказке.

— Так расскажи.

— Как-нибудь потом... А сейчас спи!

— Сейчас расскажи, ба-буш-ка!..

— Ну ладно, расскажу, только не перебивай.

* Пари — волшебница, фея.

— Не буду, не буду!..

— Ну, так слушай. Когда-то это была не соляная гора, а женщина. Она была женой дэва — горы, откуда сейчас течет пресный источник...

— Ну, бабушка, ну, рассказывай!..

— А дальше было вот как. Дэвы пошли войной друг на друга. И наш дэв, оставив свою жену, тоже пошел воевать. Перед уходом он строго-настрого наказал жене: «Никуда не ходи, ни с кем не говори, жди, пока я вернусь»...

— Ну, бабушка, ну!..

— Вот ждет жена своего мужа, поджидает, а его все нет и нет. И однажды пришел к ней — только не муж, а...

— Кто?!

— Пришел белый дэв и сказал: я тебя люблю.

— Бабушка, как это — люблю?

Чуть помолчав, бабушка Амман сказала:

— У нас с тобой был уговор не перебивать!

Я испугался. Если бабушка Амман рассердится, то не станет рассказывать, а ведь дальше-то самое интересное! Надо слушать молча. Успею еще спросить, что такое любовь.

И я принялся упрашивать:

— Дальше, бабушка, дальше, я не буду перебивать!

— Жена западной горы нарушила клятву, — продолжала бабушка. — Обманул ее белый дэв. Он сказал ей: «Твой муж убит на войне дэвов». И тогда она вышла замуж за белого дэва.

Бабушка казалась недовольной будто сказка все меньше нравилась ей.

— Почему же дэвы начали воевать? — сорвалось у меня с языка.

— Опять перебиваешь, — сказала бабушка Амман, нахмураясь. — Не стану я тебе больше рассказывать. Спи!

— Нет, нет, не буду, не буду!.. Бабушка, хорошая моя, дорогая, не буду я больше... Ну, бабушка!..

— Ладно, слушай дальше... Через много, много лет вернулся в долину старый дэв — первый муж неверной женщины. Увидел он свою жену с белым дэвом, рассердился, схватил топор и зарубил обоих. Тогда Большой пир* заколдовал дэвов, превратив их в каменные горы. Вода западной горы сладкая, потому что дэв любил свою жену. А вода восточной горы всегда будет горькой, соленой — это неверная жена плачет, раскаивается в своей измене. Слезы ее засыхают крупинками соли. Эту-то соль твой отец и вырубает каждый день в копях...

Бабушка Амман вздохнула и задумалась.

— Все? — робко спросил я.

— Все, внучек, кончилась сказка.

Я сладко вздохнул и едва лишь закрыл глаза, как погрузился в сон. Мне приснилась соляная копь, где работал отец, где должен буду работать и я.

Первый раз я попал в эту копь, когда однажды вместе с бабушкой понес отцу обед. Ах, эти копи! Кругом — горы соли. В соляные стены словно вставлены соляные зеркала. В одном месте просочившаяся вода образовала соляной

* Большой пир — глава волшебников.

пруд. Я понял, что это тоже слезы женщины, превращенной заклятием большого пира в соляную гору.

Отец взглянул на пруд.

— Сколько воды!.. — сказал он. — Только не для человека. Как поработаешь здесь день-другой, все тело покрывается соляной коркой. Если скрести ее, она ломается. И такая дурь находит, так хочется найти настоящий пруд и нырнуть...

Вода, вода!..

Наша деревня получала ее из пересыхавшей на полгода речки Кхель, но пришло время, когда и этого мы лишились. Только синие камни ее дна, сухой песок да унылые шаги женщин вдоль прежнего берега отмечали былой ее путь. Но это уже не дни моего детства, это годы моей юности.

Где-то далеко-далеко от нашей деревни раджа Акбар Али-хан, владелец поместья в сотни миль, вопреки воле моих односельчан изменил течение реки. Он направил ее в свое поместье, а нашу долину и соседние земли превратил в сухую, бесплодную пустыню. И тогда все, кто жил по берегам речки, застонали, словно дети, осиротевшие после смерти матери.

Я помню, как мои односельчане вместе с крестьянами других деревень подали жалобу властям. Они протестовали против самоуправства раджи и просили вернуть им уведенную речку. Ведь река, рассуждали они, — это хозяйка до-

ма. Река дарит нам воду, она работает в поле, моет белье, смывает грязь с наших тел. Наши деревни без воды — как дом без хозяйки. Крестьяне считали даже, что отвод воды — это все равно что кража, как будто кто-то выкрал из дома их родную дочь. В этом случае они бы так же горевали, так же хмурились...

Но раджа Акбар Али-хан был самым богатым землевладельцем Чаквальской илаки *. Чиновники были с ним заодно. Да и подряд на разработку соляных копей принадлежал ему. Крестьяне не получили обратно своей реки. К тому же многие из них лишились работы. Ведь они были виновны в том, что осмелились требовать возвращения украденной воды.

Помню, в тот день отец прибежал домой сам не свой. Хватаясь за голову, он все время повторял:

— Прости, боже! Прости, боже! Какая ошибка! Если бы не милость Аллаха, раджа сахиб и меня вышвырнул бы. Да уведи теперь раджа-джи не то что воду — дочь мою родную, я и тогда не стану жаловаться!

И правда, вода в нашей деревне ценилась так же высоко, как честь девушки. Вода, приносящая жизнь, вода, текущая кровью в наших жилах, вода, которой не хватало, чтобы вымыть лицо, выстирать рубаху, вода, от недостатка которой мы обовшивели, тела наши покрылись густым липким потом, а душа коркой соли, — такая вода дороже золота и красивее девушки.

Да что тут говорить — спросите-ка лучше о цене воды у наших крестьян. Всю жизнь они

* И л а к а — область.

ссорились из-за нее. Однажды, например, поссорились Сайдан, жена Сардар-хана, и Айшан, жена Аюб-хана. А ведь они были подругами — дома их стояли рядом, целыми днями женщины были неразлучны, вместе ходили по воду. Ключ далеко, тропинка одна; набрав по очереди воды и поставив друг другу кувшины на голову, возвращались они потихоньку домой, судача о деревенских делах. Кто знает, что случилось в тот злополучный день — торопились ли они обе или что другое было причиной вспыхнувшей ссоры, только одна из них сказала:

— Сначала я наберу воды!

— Нет, я! — ответила другая.

Наверное, это случилось потому, что, когда пересохла речка, остался только один ключ с пресной водой, и приходилось ходить очень далеко — за три коса *. Женщины затемно выходили с кувшинами. Их ожидала длинная очередь у ключа. Тоненькая струйка воды не могла наполнить кувшин и за полчаса...

Так или иначе, поссорились женщины из-за воды. Они расцарапали друг другу лица, разбили кувшины, разорвали платья. Уже стемнело, когда они вернулись домой. Сайдан пожаловалась Сардар-хану, Айшан — Аюб-хану. Не помня себя от гнева, выбежали мужья с топорами в руках и, прежде чем люди успели вмешаться, зарубили друг друга. Так похоронили мы в один день двух соседей сразу. И много еще других могил на нашем кладбище породила нехватка воды.

* Кос — мера длины. около 4 км.

Это двойное убийство, связанное с водой единственного ключа западной горы, произошло в дни моей юности. Позже там появился новый источник. Удивительная его история стоит того, чтобы о ней вспомнить.

В Патхухаре был страшный голод: все реки, каналы и колодцы нашей илаки иссякли от жары и засухи. Только в ключах горных расселин, куда не добирался палящий солнечный зной, оставалось немного воды. Наши женщины отправлялись за водой в два часа ночи. У ключа выстраивался длинный ряд пустых кувшинов, а дома плакали дети, изнывая от жажды.

Богатые люди потеряли тогда всякий стыд, забыли бога. Сущим шайтаном показал себя зайлдар * Малик-хан. Сговорившись с начальником полиции Афзалом Али, он выставил стражу у ключа. Затем вместе с начальником района Гуламом Али они скупили всю землю вокруг источника. Днем и ночью возводилась ограда по краям купленного участка. Наконец, вода была заперта на замок. Теперь никто не смел брать ее без разрешения: источник принадлежал зайлдару. А зайлдар обложил налогом каждый кувшин. Один кувшин — одна ана, два кувшина — две аны.

Вопль пронесся по деревне. Но полиция и власти были на стороне зайлдара Малик-хана, закон был тоже за него. Вода также принадлежала ему.

Тогда вся деревня — парни, старики и дети — пришли к моему отцу.

— Дядя Худабахш, спаси нас, беда пришла!

* З а й л д а р — чиновник по сбору налогов.

— Что же я могу сделать? — спросил отец, разведя руками.

Седобородый старик Хаким-хан сказал:

— Помнится, это ты, Худабахш, отыскал пресный ключ, который отобрал у нас зайлдар Малик-хан. Окажи милость, найди другой ключ! Ведь должна же быть хоть где-нибудь на этой горе пресная вода, живая вода. Худабахш! Ты самый мудрый среди нас, подумай же лучше, выручи народ! Мы с тобой, что бы ни случилось... Может, и помереть придется... Ну, а вот деревня, вся деревня... Воды, воды!..

Мой отец на секунду присел на скамеечку, помянул Аллаха и отправился в путь. Вся деревня потянулась за ним. Взобрались на гору, начали искать воду. А ведь найти ее труднее, чем Фархаду было гору своротить *, — это я понял в тот день.

Словно блуждающий огонек, скитается вода в складках наших гор. Сегодня она здесь, завтра там. Вода — бродяга, вода — чужеземка, вода — лукавое, непостоянное существо. Верить ее любви нельзя. Она улетучивается, как слабый аромат в палящий зной. В нашей илаке Патхухар женщины верны и стыдливы, а вода — изменница, вода — бесстыдница, непоседа. Никогда не принадлежит она одному, никогда не держится одного ключа. Она кочует из края в край, и ей при этом не нужен паспорт. Ловить эту вертихвостку надо не лопатой, а волшебным стеклом — оно прочтет в сердце горы. Этим стеклом должен был стать мой отец.

* Фархад — легендарный герой, расколовший гору, чтобы провести канал и дать людям воду.

Весь день глотали мы пыль на высокой горе. Где только мы ни искали беглянку — в густой тени кустов, в глубоких расселинах скал, в мрачных пещерах, в темных норах диких зверей. Мы обошли все старые ключи. Но мы добились такого же успеха, как если бы в поисках жизни стали раскапывать могилы. Воды не было нигде. Петляя, как вор, она оставляла то здесь, то там следы притворных слез и ускользала от погони. Казалось, в глубоких расселинах, под могучей грудью горы она смеется над своими преследователями.

Но мы не теряли надежды. Целый день брели мы за отцом — все искали. Наконец настал вечер. Отец поднялся на одну из вершинок, отер пот с лица и бросил взгляд на заходящее солнце. И вдруг он заметил в глубокой расселине, озаренной косым солнечным лучом, зелень доба. А ведь каждый знает: там, где растет доб, обязательно должна быть вода. Доб — знамя воды, которое она несет повсюду с собой.

Отец вскрикнул и бросился бежать вниз, к расселине. Все кинулись за ним. С лихорадочной поспешностью разрывал он ногтями землю. Твердая сверху, она становилась все мягче, влажнее, наконец из глубины ее с силой ударила струя воды.

— Вода! Вода! — радостно закричали люди.

Дрожащими руками отец зачерпнул полную пригоршню. Все взоры устремились на него. Все сердца бились одним желанием, одной мольбой: Аллах, даруй нам пресную воду, даруй нам пресную воду!..

Отец попробовал.

— Пресная! — торжествующе крикнул он.

— Пресная вода! Вода пресная! — загремело кругом.

— Вода нашлась! Пресная вода! — отозвалось в долине.

И сразу все ожило. В деревне забили барабаны, женщины запели песни, молодежь пустилась в пляс, ребятишки подняли веселую возню.

Раскопав ключ, крестьяне столпились вокруг, как бы окружив его живой изгородью. Не отходя ни на шаг, они с невыразимой любовью смотрели на воду — такой любовью светятся глаза матери при виде новорожденного.

*

*

*

Никогда не забыть мне этой ночи. Ни одна живая душа не осталась в деревне — все пришли на радостный праздник к своему ключу. Матери разожгли костры и в тени уснувших под звездами деревьев укачивали своих детей. Благоухающие девушки пели песни — песни, чистые и прекрасные, как вода, задумчивые, как лесные ключи, звонкие, как водопады. В эту ночь все женщины были прекрасны, земля — плодоносна, корни растений — свежи и сочны. Звучно лопались набухшие, нетерпеливые от ожидания семена.

Такая ночь пришла к нам в деревню, потому что отец мой Худабахш нашел воду — она была плодом его труда, любовью его сердца! И тогда пришла ночь, как свадебный поезд с невестой, восседавшей в паланкине...

Тихо, стыдливо журчал новый ключ — так молодая невеста идет, потупясь, по еще не знакомому ей двору.

Этой ночью в одной моей руке была вода, в другой — рука Бало, а над нами сверкали звезды...

*

*

*

Да, с этим ключом связаны мои самые лучшие воспоминания юности, воспоминания о любви Бало.

Красота ее была недоступна, неуловима, как вода. Глубоко таит в своих недрах земля источник чистых ключей, бережно хранит сердце дорогие воспоминания. Много душистых цветов приносит лето, много золотых листьев — осень, сверкающих белых снегов — зима...

Любовь Бало была спокойной, безмятежной, как текущие под землей воды. Затемно приходила она к ключу. Мы оставались с нею одни. Словно луч рассвета, освещала ее лицо нежная улыбка. Бало подставляла кувшин под струйку воды, и струйка начинала журчать и шептаться с кувшином, как я с Бало. Наполнялся кувшин, переполнялись радостью наши сердца, и незаметно подкрадывалась заря. Утренний ветерок, словно нежными апельсиновыми пальцами щекал наши лица... Мы поднимались и с удивлением смотрели на мир, рождавшийся вокруг нас. Я ставил кувшин на украшенную алой лентой голову любимой, и Бало, с улыбкой посматривая на меня, спускалась со склона горы. Я не отрывал от нее глаз и не замечал улыбок других

женщин, уже поднимавшихся по тропинке из деревни к ключу.

В те мгновения я вспоминал, как спрашивал когда-то у бабушки Амман: «Бабушка, что это такое — любовь?». Позже я вспоминал эти ночи у ключа.

...Я работал уже в соляных копиях. Возвращаясь домой пьяным от усталости, замертво валился спать.

Несколько дней подряд не виделись мы с Бало у ключа, хотя нам, соседям, легко было условиться о встрече. Причина была в том, что у родных Бало гостил ее двоюродный брат, у меня же не было ни минуты свободной, чтобы перекинуться с ней словечком. Новичку трудно в копиях, а я учился новому делу с увлечением. К тому же, как говорится, коли попадешь в соляные копи, сам изойдешь солью.

Однажды вечером Бало сказала мне:

— Давай встретимся у ключа ночью, часа в два.

Я ответил, что очень устал.

— Приходи, — настаивала Бало, — мне очень нужно тебя видеть. Я должна сказать тебе что-то важное.

Я пришел, как просила Бало, в два часа. Никого, кроме нас, у ключа не было.

— В чем дело? — спросил я Бало. — Я слушаю тебя.

Бало молчала.

— Сестрица, что случилось?!

— Я уезжаю из деревни, — тихо проговорила она.

Сердце мое замерло. Мне показалось, что и ключ внезапно замолк.

— Зачем? — спросил я подавленно.

— Назначена моя свадьба.

— С кем?!

— С двоюродным братом, сыном моего дяди. Он вернулся с войны, и теперь он полицейский чиновник в Чаквале.

— И ты пойдешь за него?! — с горьким упреком вырвалось у меня.

— Да:

«Сегодня же убить его или в первую ночь после свадьбы?» — мелькнула в моей голове отчаянная мысль.

— Говорят, в Чаквале много воды, — продолжала Бало. — Там водопровод. Стоит только повернуть кран — и когда хочешь...

Голос ее дрожал от радости. Видимо, она хотела еще что-то сказать, но, угадав мою немую мольбу, замолчала. Подойдя к ней, я взял ее за плечи и пристально досмотрел в глаза. Мгновение она смотрела на меня, потом отвела взгляд. Нет, он не отвергал моей любви — он светился жаждой воды.

Медленно опустил я руки и отошел. Я понял: для любви мало искренности, благородства, глубины чувств. Любовь требует еще немного воды.

Бало мечтала о любви, которая дышит ароматом чистых тел, выстиранного белья и одежды... Сраженный этой мыслью, я опустил-ся на землю.

Два часа ночи.. Бало и я... Мы молчим... Стоит такая тишина, словно весь мир опустел. Или словно высохли все людские слезы.

Бало набирала воду в кувшин. Вода вкрадчиво нашептывала что-то, я тоже что-то говорил.

Лепет воды — самое лучшее воспоминание человека.

Бало ушла. Я вспомнил детскую сказку о том, как горько плакала любовь и как слезы ее застывали крупинками соли. Мои глаза были сухи, но на сердце легли глыбы соли. Там у меня возникли соляная копь, соляные столбы и пещеры, соляное озеро. Мой рассудок, мои чувства покрылись коркой соли. Казалось, стоит лишь потереть глаза — и закапают соленые слезы.

Я молча сидел, ни о чем не думая, не шевелясь, и продолжал сидеть, пока Бало, оглядываясь на меня, спускалась по склону.

У меня не было воды, а Бало уезжала — к воде!

*

*

*

В ночь свадьбы Бало мне приснился странный сон: будто бы река-беглянка вернулась к нам, а на соляной горе бурлят пресные ключи. И будто бы посреди нашей деревни выросло громадное дерево, и все оно из воды. Корни, ствол, ветви, листья, цветы — все вода. И с каждой ветки, с каждого листочка текут струйки воды. И это древо воды принесло жизнь нашей бесплодной земле: мужчины ликуют, женщины стирают белье, рабочие соляных копей моются, а дети, надев венки, водят веселые хороводы вокруг чудесного дерева. И будто Бало в белом платье стоит рядом со мной и говорит: «В нашей деревне выросло древо воды! Теперь я никуда от тебя не уеду!»

Удивительный был сон. Но когда я рассказал его отцу, он вздрогнул, словно от испуга, и строго спросил:

— Ты никому, кроме меня, не рассказывал об этом сне?

— Нет, отец, — ответил я. — Но ты как будто чего-то боишься, а это ведь только сон.

— Сон-то сон, — сказал отец. — Но ведь это к р а с н ы й сон.

Я рассмеялся.

— Это же было не красное дерево, отец. Оно было совершенно прозрачным. Древо воды! Ствол, ветки, листья — все из воды! А знаешь ли, какие на нем росли плоды? Маленькие гра-ненные стаканчики. Влага играла в них, словно улыбка ребенка, и брызгала фонтанчиками вокруг.

— Как бы то ни было, — заключил отец, — это опасный сон. Если ты проболтаешься, а полиция пронюхает, тебя вышвырнут из копей. Помнишь, как прогнали с работы тех, кто хотел вернуть нашу реку? Поэтому, сынок, никому об этом не говори. Забудь свой сон, будто ты его и не видел никогда. Рассказами о нем делу не поможешь — пересохшая река останется пересохшей, жаждущий останется жаждущим!..

До сих пор помню я безнадежность и отчаяние в голосе отца. Сначала я никому не говорил о своем сне, но спустя несколько дней рассказал товарищам по работе в копиях. К моему удивлению, они не испугались, а весело рассмеялись.

— Что же смешного в том, что я вам рассказал? — спросил я.

— Нечего бояться этого сна, — ответили мне

товарищи, — это очень хороший сон. Каждый из нас его видел.

— Не может быть! Такое же древо воды?

— Ну да! Древо воды у нас в деревне, и пресные ключи в наших копиях. Не бойся, дружок, обязательно сбудется наш сон!

Тогда я этому не поверил.

Но я не зря работаю с товарищами. Теперь и я знаю — сбудется наш сон! Настанет день, и вырастет в нашем селе древо воды, и пустые ныне кувшины наполнятся до краев, и грязные одежды засверкают белизной, и расцветут исстрадавшиеся сердца.

А земля и любовь, пустоши и пустыни станут цветущим садом.

ЗВЕЗДЫ ГАСНУТ — ЗВЕЗДЫ ЗАГОРАЮТСЯ

Ашок Дхаке был маклером бомбейской биржи. Вот уже два года как он приютился в местечке Навасари под Бомбеем. Темная тесная лачуга с трудом вмещала всю его многочисленную семью — его, жену и шестерых ребятишек, а заработка едва хватало, чтобы не протянуть ноги.

Ашок Дхаке не получил почти никакого образования, но это не смущало его: он отточил свое оружие в жестокой школе биржевых махинаций, и плутнями своими, как бритвой, подрезал все уловки конкурентов. В жульнических проделках Ашок Дхаке не знал себе равных.

Однако бизнес бизнесом, а в жизни Ашок Дхаке был человеком набожным и обряды своей веры соблюдал неукоснительно. Каждое утро,

прежде чем приняться за дела, он заглядывал в небольшой храм, расположенный на пути от Навасари в Баргам, и почтительно склонялся перед изображением Ганеша-джи *. Исполнив обряд поклонения, Ашок Дхаке принимался за газету, вернее за ту полосу, где печатался биржевой бюллетень, а затем направлялся к местному астрологу Харибаллабху, чтобы испросить у него совета.

Хотя ежедневные советы пандита Харибаллабха и не способствовали до поры до времени избавлению Ашока Дхаке от нищеты, маклер был преисполнен глубокой веры в астрологию. Да и один ли он? Соратники его — мелкие пройдохи и крупные биржевые воротилы, вершившие дела при помощи десятков телефонов, — все свои надежды возлагали на астрологов. Стоило объявиться в городе новому пандиту, и дельцы, как свора псов, устремлялись по его следу. Недаром все новоявленные пандиты в Бомбее специально изучают астрологию биржи. Говорят даже, что в Бенаресе открывается университет астрологии, в котором будет изучаться влияние звезд на изменение биржевого курса. Что ж, это хорошо. В других странах тратят десятки миллионов, чтобы обследовать луну, мы же на земле постигаем тайны светил и строим на листке бумаги гороскоп. У нас дома есть все, друзья!..

Совершив обряд поклонения в храме Ганеша, Ашок Дхаке направлялся к пандиту Харибаллабху. Он шел безлюдной дорогой, по обеим сторонам которой простиралась лишь забро-

* Г а н е ш — бог мудрости.

шенная земля, поросшая жесткой густой травой да диким кустарником. Баргам раскинулся в трех милях от Навасари. Побережье было сплошь застроено дачами крупных сетхов, отелями, ресторанами... Кокосовые рощи по субботам и воскресеньям давали приют горожанам, приезжающим отдохнуть и повеселиться.

Баргам представлял собой довольно оживленное местечко. Населяли его тысяч пять-шесть богатых торговцев рыбой да тысячи три беженцев из Пенджаба, для которых местные власти устроили здесь лагерь.

Ашок Дхаке судил об изменениях, происшедших в Баргаме, не по лицам взрослых и не по одежде детей, а по оживлению деловой жизни. Вздорожала аренда, повысился спрос на рабочие руки, какой-то предприимчивый парс* открыл еще один ресторанчик, заработали три новые мельницы, были учреждены два дополнительных полицейских поста. Наблюдая за оживлением и ростом Баргама, Ашок Дхаке потерял покой; он все думал о пустующей земле вдоль дороги Навасари — Баргам. Того, кто догадается застроить эту землю, ожидают баснословные прибыли: не пройдет каких-нибудь двух-трех лет, и стоимость участка в этих местах возрастет в пять-десять раз! Ашок Дхаке очень опасался, как бы такая же мысль не возникла у какого-нибудь более удачливого дельца. Ведь, несмотря на подвижническую жизнь и биржевую изворотливость (тоже все-

* Парсы — члены религиозной общины, исповедующие древнеиранскую религию (зороастризм). Парсы — потомки выходцев из Ирана, говорят на языке гуджарати.

го рода подвижничество), Ашок Дхаке был всего только бедным маклером, чьи ребятишки нагишом бегали по улицам.

Но все имеет свой конец; окончились и горести Ашока Дхаке. Теперь вы не узнали бы его. Из убогой хижины он перебрался в роскошную виллу, жена его стала сладка, как мед, и нежна, как шелк, огненными маками расцвели щеки ребятишек. Что же произошло? Может быть, бедняга вкусил от священного корня перевоплощения? Или отдал детей в приют и прижил новых на фешенебельном Малабархилле?

Нет, что вы! Почтенный маклер не совершил ничего аморального и незаконного. Он все тот же, та же у него жена, те же дети. Причина его преуспевания в несравненной мудрости пандита Харибаллабха, благодаря которой Ашоку Дхаке удалось за каких-нибудь два часа заработать семьсот тысяч рупий!

Пять лет Ашок Дхаке был верным почитателем ученых познаний пандита, и настал наконец час, когда постоянство это принесло свои плоды: Лакшми, богиня счастья, одарила Ашока Дхаке от своих щедрот. И удачливый маклер не оставил своего почтенного наставника. Пандит Харибаллабх также покинул жалкую лачугу и вместе с женой и тремя ребятишками водворился в помещении для слуг при роскошной вилле Ашока Дхаке. Сам пандит получил в награду от маклера пятьсот рупий, дети его защеголяли в обновках.

Счастливым маклер не пожалел десяти тысяч рупий на изваяние божества в том самом храме Ганеша-джи, в который он привык заглядывать по пути из Навасари в Баргам. Получил

подношения и факир Дулла, обитавший под деревьями у мусульманского кладбища по другую сторону дороги. Ашок позаботился почтить священное убежище факира, вывесив над ним зеленое полотнище*.

Индусские святые, мусульманские факиры, астрологи — все они в глазах Ашока Дхаке были достойны поклонения. И он был прав: шутили, за два часа заработать семьсот тысяч!

Астрология — наука наук! Благодаря ей Ашок Дхаке стал богачом. Самому трудолюбивому человеку, гни он спину день и ночь, и за десять лет не заработать семьсот тысяч. Правильно говорит пандит Харибаллабх: в жизни мы получаем лишь то, что уготовано нам судьбой. Ашоку Дхаке семьсот тысяч были предназначены свыше — он их и получил. Если же судьба готовит нам семьсот тысяч голодовок — таков наш удел. Жаловаться бесполезно: ведь каждый человек рождается вместе со своей судьбой. Астролог не берется изменить судьбу. Он только поясняет, что тебе судьбой предначертано.

■

■

■

В тот день, когда Ашок Дхаке, пожертвовав на новое изваяние в храме Ганеша-джи, отправился в свой обычный путь по безлюдной дороге, он вдруг по-новому осознал все изменения, происшедшие в его жизни за последние дни. Теперь он богат! Отныне он в состоянии осуществить свои блестящие замыслы.

* Зеленое полотнище — знамя ислама.

Вечером счастливец держал совет со спутницей своей жизни. Но супруга его была женщиной крайне неразумная.

— Вах! Для чего нам кидать на ветер двести тысяч и строить дома в этой дыре? — возмутилась она. — Лучше купи мне драгоценностей.

Затем почтенная женщина высказала пожелание, чтобы в деревне, откуда они оба родом, соорудили школу, молельню и установили изваяние Ханумана-джи *. Кроме того, ей необходим муслин из Дакки **, бог весть, как он там называется, но, говорят, очень дорогой. К тому же совсем недавно был совершен обряд бритья Джаганнатха, их младшего сынишки, поэтому обязательно нужно пригласить в дом самых знаменитых пандитов из Дварка ***. Никто, разумеется, не собирается порочить пандита Харибаллабха, но куда ему до ученых из Дварки!

— Да, чуть было не забыла! Надо съездить в Гиргам, купить варенья из манго, а заодно и новые туфли, такие, как у племянницы Камалы. Камале так шло сари с золотой каймой и...

Писк малыша прервал этот бурный поток пожеланий. Супруга маклера вскочила и бросилась к постели ребенка. Ашок Дхаке с облегчением вздохнул и отправился в помещение для слуг поговорить с пандитом Харибаллабхом.

Понимая состояние своего друга, астролог тотчас же принялся за составление гороскопа. Не

* Хануман — в индийской мифологии царь обезьян, считающихся священными животными.

** Дакка — город в Восточном Пакистане, славящийся своими тканями.

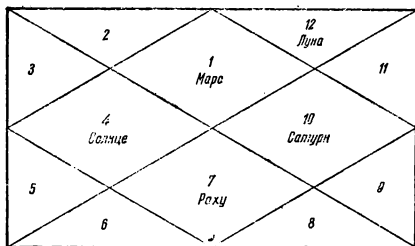
*** Дварка — место паломничества индусов на побережье Аравийского моря.

в пример другим своим собратьям, пандит Харибаллабх никогда не старался смягчить или приукрасить свои предсказания. Сандаловая тика на его челе озарялась светом истовой веры.

Харибаллабх поверял клиенту лишь то, что говорил гороскоп, не подслащая горечи истины. А когда лукавая жизнь разбивала предначертания гороскопа, астролог объяснял: «Бесспорно я совершил какую-нибудь оплошность — неправильно определил звезды или неверно рассчитал время. Что-то было упущено». Ни разу в жизни он не усомнился в самой астрологии.

Пандит Харибаллабх уселся, скрестив ноги, и принялся составлять гороскоп на те участки земли, где Ашок Дхаке собирался построить пять домов.

Вот что у него получилось:

Так как Ашок Дхаке и сам уже разбирался в астрологии, Харибаллабх положил перед ним листок с чертежом и сказал:

— Вот, гляди сам, что получается. В первой клетке Марс, вторая и третья клетки пусты. Но в четвертой — Солнце.

Коль в четвертой клетке Солнце,
То жена — глава над мужем,
Ссоры, распри и обиды
Чередую в дом войдут.

— Если ты решишься построить здесь дома, тебе не миновать семейных неурядиц.

Внимательно взглядевшись в чертеж, пандит продолжал:

— Тот, кто возведет постройки на этой дороге, потерпит убытки в жеребцах и кобылах — то есть в автомобилях, а также и в людях.

А Сатурн в десятой клетке
Смерть сулит всему живому:
Гибнут кони, гибнут люди,
Мор всемогущий скалит пасть..

— Теперь взгляни сюда: в десятой клетке находится Сатурн, но в седьмой — Раху*.

В доме ссоры и раздоры,
Раз седьмая клетка — Раху,
Смерть жене и гибель детям,
Раз десятая — Сатурн.

— Боги! О боги! — Ашок Дхаке в отчаянии всплеснул руками. — Этот гороскоп сулит одни беды. Но земля, какая земля! Второй раз такой случай вряд ли представится.

Пандит Харибаллабх раскрыл другую книгу, покрытую плесенью и изъеденную червями, и

* Р а х у — название мифической планеты.

принялся составлять новый гороскоп. Затем он подвел итоги:

Солнце жжет лучами землю.
Гнев Сатурна, ярость Марса,
Смерть, позор и разоренье —
Вот как звезды кажут путь!

Пандит-джи скорбно покачал головой:

— Будет мор. На этой дороге — заклятие. И не думай строить там дома.

★

★

★

На дороге и в самом деле, видно, лежало заклятие. Вечерами, после восьми часов, никто не осмеливался показываться здесь в одиночку. Не знавшие этого путники зачастую возвращались обратно, на смерть перепуганные. Случалось, в кюветах у дороги находили перевернутые такси и тела одиноких прохожих. Жизнь человека здесь не стоила и пайсы *. Смельчака, который отваживался пуститься в этот страшный путь вечером, возле кладбища подстерегали духи и призраки, демоны и джинны. Если ему и удавалось спастись от них и добежать до дома, то бедняга долго еще дрожал от страха, как в лихорадке.

Святой Дулла зарабатывал немалые деньги, продавая амулеты и ладанки, а жрец из храма Ганеша-джи конкурировал с ним, читая заклинания против демонов, призраков и прочей нечисти. Часто в темноте на этой трехмильной дороге слышались отчаянные вопли и мелька-

* П а й с а — самая мелкая монета в Индии.

ли блуждающие огни. Однако ни один почтенный житель из Навасари или Баргама не решался пойти и узнать, что происходит там в эту мрачную пору ночи. Бомбейцы называли эту дорогу бесовской. Даже водители такси отказывались ездить по ней после наступления темноты.

— Сахиб, мы поедем куда угодно, но только не бесовской дорогой, — говорили они.

Конечно, пандит Харибаллабх прав: дорога — под несчастливыми звездами. Поэтому-то, видно, и муниципалитет о ней не заботится. Чем же еще можно объяснить, что и в Навасари, и в Баргаме улицы освещены, а на этой длинной трехмильной дороге нет ни одного фонаря? Дорога не ремонтируется, всюду на ней выбоины и ямы. Сколько здесь было автомобильных катастроф, сколько загублено жизней!

Взвесив все это, Ашок Дхаке перестал и думать о постройке домов и все свои деньги по совету пандита Харибаллабха, вложил в крупные биржевые спекуляции.

Операции оказались крайне выгодными, они принесли большие барыши, но не Ашоку Дхаке, а маратху Васанте. Нашему же маклеру, как и пандиту Харибаллабху, вновь пришлось вернуться в прежние грязные лачуги. После этого между Ашоком Дхаке и звездочетом словно черная кошка пробежала. Теперь маклер кричит на каждом перекрестке, что пандит Харибаллабх — вовсе не астролог, а просто шарлатан.

Это событие крайне дурно отразилось на деятельности Харибаллабха. Два-три ростовщика — его постоянные клиенты — перестали посещать хижину пандита. Зато частым гостем в ней стал голод. Пожалуй, чередование таких

посетителей — работы и голода — и есть подлинная жизнь.

Харибаллабх не находил себе места от горя. Он то и дело раскрывал старую книгу и принимался составлять гороскоп. Но, как ни странно, картина была уже совсем другая.

Тот, кто землю украшает,
Да подобен станет солнцу,
Чей победный свет не меркнет
В сонме ласковом светил.
Дом его да будет храмом,
А супруга — мудрой Лакшми.
Такова богов награда
Средоточью добрых сил.

— Ошибка, ошибка!.. Совсем маленькая ошибка... И какие последствия! — дрожащими губами шептал пандит Харибаллабх и в отчаянии рвал на себе седые волосы.

Но случилось нечто непредвиденное. Строительная компания «Джуху» получила подряд на постройку аэродрома. Для засыпки низин и для других нужд потребовались камень и земля. Решено было ломать камень в горах Навасари, как раз по ту сторону дороги Навасари — Баргам. Вскоре каменоломня заработала, и безмолвная дорога, где прежде лишь изредка мелькала сиротливая фигура одинокого путника, огласилась песнями сотен тружеников и глухим гулом динамитных взрывов. День и ночь по дороге сновали грузовики с землей и камнем. Поскольку автомобильный транспорт не мог удовлетворить всех нужд строительства, компания провела узкоколейку, которая соединила каменоломни с «Джуху». Узкоколейка прошла

возле кладбища и храма и перерезала старую бесовскую дорогу. И — удивительное дело — привидения, видимо, бежали с кладбища. С тех пор как администрация расставила повсюду посты охраны, машины перестали переворачиваться, погасли в низинах блуждающие огни, а вместо диких воплей в полночь на дороге зазвонел радостный смех влюбленных. В каменоломне и на строительстве работа продолжалась круглые сутки, и мрачная местность озарилась светом человеческого труда.

Святому Дулле грозило разорение: у людей отпала нужда в ладанках и амулетах, и он поспешил убраться с кладбища. Пандит Харибаллабх, доведенный до отчаяния постоянным голодом, устроился сигнальщиком на узкоколейку.

Как-то после дождя пандит Харибаллабх с флажком в руке стоял возле поворота узкоколейки. Взгляд пандита задержался на дороге, и вдруг ему показалось, что она сбросила злые звезды старого гороскопа, как змея старую кожу. Как прекрасна была дорога в электрическом свете! На груди ее длинной лентой вились рельсы узкоколейки, в ушах сверкали серьги электрических фонарей, вся она содрогалась под мерной поступью любви и труда.

«Поистине я всю жизнь заблуждался, занимаясь астрологией, — подумал пандит Харибаллабх. — Человек меняет облик ущелий и дорог, мостов и земель. Разве он не волен изменить и свою собственную судьбу?»

Поезд подошел к повороту и засигналил легким птичьим свистом. Пандит улыбнулся и взмахнул зеленым флажком: «Доброго пути тебе, поезд труда!».

СОДЕРЖАНИЕ

Наш друг Чандар	3
Вор. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	15
Поль. Перевод И. Рабиновича и П. Слетова . .	27
Тень. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	40
Дуду. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	52
Призрак. Перевод И. Рабиновича и П. Слетова	70
О плечи. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	81
Джара и Джари. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	94
Темные пятна. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	112
Индеец, вернувшийся из Америки. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	123
Материнская любовь. Перевод И. Рабиновича и П. Слетова	133
Древо воды. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	138
Звезды гаснут — звезды загораются. Перевод И. Кудрявцевой и И. Рабиновича	156

